

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

В.Ф. ПЛЕТНЕВ

ЛЕНА

4 АПРЕЛЯ 1912

ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРОЛЕТКУЛЬТ

МОСКВА 1923 г.

П38

Л Е Н А

очерк истории ленских событий

(с приложениями)

ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРОЛЕТКУЛЬТ
МОСКВА
1923

947

ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТЬ РОССИИ И РОЛЬ В НЕЙ ЛЕНСКОГО ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОГО ТОВАРИЩЕСТВА («ЛЕНЗОТО»).

В народном хозяйстве России золотопромышленность играла довольно крупную роль.

Добыча золота в России в отношении к мировой его добыче рисует следующую картину:

Мировая добыча золота в пудах.

Таблица I.

Г О Д Ы.	Транс- вааль.	Аме- рика.	Австра- лия.	Россия.	Прочие страны.	Всего ми- ровой до- бычи.
1909	15.826	9.113	6.158	3.467	7 501	42.065
1910	15.658	8.955	6.105	3.885	6.263	40.866
1911	17.069	8.952	5.681	3.738	5.656	41 095
1912	17.370	8.539	4.292	3.554	9.648	43.403
1913	16.900	8.089	4.187	3.714	9.653	42.543
Итого за пятилетие 1909—1913	82.822	43.648	26.423	18.358	38.721	209.972
Итого в %	39,44	20,79	12,59	8,74	18,44	100%

Но если в мировом масштабе добычи золота Россия давала всего лишь незначительных 9%, то по отношению к хозяйству России картина такова:

По данным за 1914 год, по числу рабочих и стоимости продукта производства золотопромышленность стоит наряду с крупнейшими отраслями горной промышленности — нефтяной и каменноугольной.

Таблица II.

РОД ПРОМЫШЛЕННОСТИ.	Число рабочих, занятых в ней.	Добыча продукта в пудах.	Стоимость продукта производства в рублях.
Каменноугольн. пром.	180.542	2.176.500.000	217.650.000
Нефтяная пром.	63.575	556.900.000	167.070.000
Золотопромысл.	88.606	3.765	70.000.000

По числу рабочих золотопромышленность обгоняет нефтяную, по стоимости продукта производства дает около 30% стоимости угля и около 50% нефти.

Какова же была добыча золота в России за пятилетие 1911—1913 г.г. и какую долю этой добычи покрывало «Лензото»?

Ответ на это дает следующая таблица:

Добыча золота в России (в пудах).

Таблица III.

ГОДЫ.	РАЙОНЫ ДОБЫЧИ.				ДОВЫ- ЧА ЛЕН- ЗОТО.	%отнош. до- бычи Лензото.	
	Запад- ная Сибирь.	Восточ- ная Сибирь.	Урал.	Вся Россия.		К Все- росс. добыче.	К добы- че в Восточ- ной Сибири.
1909	165,1	2.730,0	572,3	3.647,4	816,8	25,1	29,9
1910	235,6	3.008,1	641,9	3.885,6	854,8	22,0	28,4
1911	257,9	2.864,4	615,8	3.738,1	518,2	14,0	18,1
1912	202,6	2.680,9	670,7	3.554,2	673,8	18,9	25,1
1913	200,2	2.859,2	655,2	3.714,6	757,9	20,4	26,5
Итого	1.061,4	14.142,6	3.155,9	18.359,9	3.621,5	—	—
Абсол. в % . .	5.80	77.01	17.19	100%	—	—	—

Как видно отсюда, Восточная Сибирь дает около 80% всероссийской добычи золота, а так как районом деятельности «Лензото» является один из богатейших районов Восточной Сибири, а именно Витимский, то отсюда ясно, какую крупную роль играло «Лензото» в русской золотопромышленности.

Его добыча покрывала свыше 20% всероссийской и около 30% всей добычи в Восточной Сибири.

Это давало возможность «Лензото» играть немалую роль в экономике царской России вообще и в министерстве торговли и промышленности в особенности.

Но значение и совершенно исключительное положение «Лензото» будет понятно, если мы не проанализируем его значение для того округа, в котором оно развивало свою деятельность.

Районом деятельности «Лензото» являлась, главным образом, Витимская золотопромышленная система, составляющая часть Олекминского горного округа Якутской области. Прииски Витимской золотопромышленной системы расположены по системе рек, впадающих в Витим: 1) по р.р. Никитамы, Догалдын и Бодайбо, с притоками Верхний и Нижний Аконак; 2) по р. Тохтыге и р. Энгажимо, в 320 верстах вверх по течению от впадения Витима в Лену.

Большинство приисков «Лензото» расположено в районе реки Бодайбо (правый приток р. Витима).

При впадении р. Бодайбо в Витим расположен г. Бодайбо, центр Ленской золотопромышленности. Здесь сосредоточены правительственные учреждения, пристань, склады, резиденция, управления приисками. Население города не выше 4.000 человек.

Далеский, дикий, суровый уголок.

Ближайшая станция жел. дор.—Иркутск отделена от г. Бодайбо расстоянием в 1734 версты.

В бездорожье в зной и осенью Бодайбо в течение 4 — 4½ месяцев совершенно отрезано от мира. Лишь одна тоненькая, жалкая, в просторах тайги затерявшаяся шпалочка телеграфа связывает этот проклятый всеми и влекущий к себе угол Сибири.

В путь к путешествию до Бодайбо очень сложно. От Иркутска на лошадях 383 версты через Бурятскую степь до Жигалова, первой пристани на Лене, где расположены мастерские и амбары «Лензото». Отсюда на пароходе или на лодке, шива по течению Лены, свыше 1.000 верст до с. Витимского, расположенного у устья р. Витима, и отсюда 320 верст вверх по р. Витиму до г. Бодайбо, резиденции «Лензото».

Природа края сурова, неприветлива, дика и вместе с тем прекрасна в своей первозданной нетронутой еще силе.

На вершинах и в расщелинах гор (гольцов) до конца июня держится снег, в сентябре (копец) или начале октября реки сковываются льдом. Зима чрезвычайно сурова: 40—50° мороза не редкость.

Лишь в мае вскрываются реки, и снова оживает движение по реке.

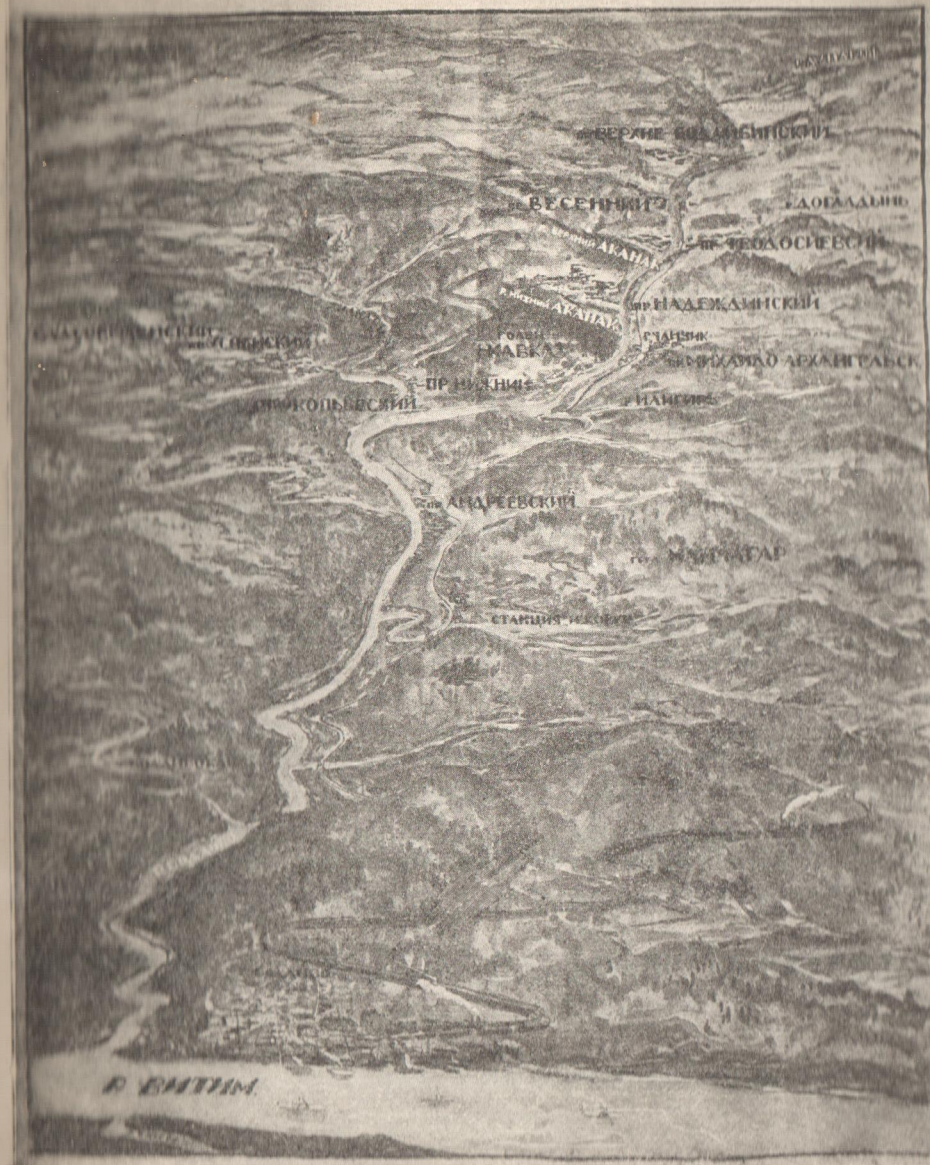
Зимой редко пропоеет колокольчик «низовой» или «верховой» почты, проносившей по льду Лены, и снова тишина снежной, глухой пустыни.

Выбраться с приисков в весеннюю или осеннюю распутицу почти невозможно, зимнюю сделать 1734 версты на лошадях стоит не малых денег и только летом на пароходе возможен наиболее легкий путь.

Нил о каком земледелии в районе приисков не может быть и речи. Зачастую встречается почва мерзлота почвы, с трудом и редко вырастает овес.

Все, что необходимо для того, чтобы жить, идет из центра, доставляется на прииски в навигационный период по реке.

Частная конкуренция была устранена, оставалось одно, что могло, хотя бы

части, унаследовать монопольное право «Лензото» на Витимский район, это — государственная власть.

И здесь «Лензото» проявляет максимум энергии, увенчанной весьма солидными лаврами.

Выполняя план захвата округа, «Лензото» терпит в течение нескольких лет большие убытки, которые, в конце концов, могли бы привести все дело к краху. Но этого не случилось потому, что правительство энергично поддерживало это крупное золотое дело. В 1903 году задолженность «Лензото» Государственному банку равнялась опромной по тому времени сумме в 7.000.000 рублей.

Бабунка хорошо ворожила счастливой песте.

Брак с английским капиталом и благосклонное внимание казенного кармана быстро ставят «Лензото» на ноги.

К 1904 году дела его становятся лучше и с этого времени бешено быстрым темпом идут в гору:

1904 — 5	операционный год	дает прибыли	86.117 р. 74 к.
1905 — 6	»	»	57.536 » 87 »
1906 — 7	»	»	290.168 » 09 »
1907 — 8	»	»	1.997.604 » 03 »
1908 — 9	»	»	4.908.852 » 07 »
1909 — 10	»	»	6.812.925 » 66 »

За шесть лет повышение почти в 80 раз.

Но мало этого. Когда было уже ясно, что «Лензото» крепко стало на ноги, когда никаких препятствий к его мощному развитию не было, «Лензото» удается провести еще одну чрезвычайно выгодную операцию:

«Высочайшим» указом от 23 октября 1909 г. номинальный капитал «Лензото» составил из:

9000	акций 1-го выпуска по 450 р.	= 4.050.000 р.
3000	» 2-го » 450 »	= 1.350.000 »
4200	» 3-го » 300 »	= 1.260.000 »

Этой операцией был покрыт сплона убыток прошлых лет в сумме: 4.428.462 р. 30 коп.

В связи с этим «Лензото» из прибыли за 1908 — 9 операционный год в сумме 4.908.852 р. 07 к. отчисляет в запасный и другие капиталы: 2.133.882 р. 07 к., выдает — 2.775.000 рублей дивиденда.

Это дало акционерам по 25% номинальной стоимости вложенного ими капитала или по 41,7% его фактической стоимости, а в 1911 г. «Лензото» дает уже 56% дивиденда.

Биржа не замедлила дать очень лестный ответ на хорошие %%, уплаченные «Лензото».

Акции «Лензото» 1-го и 2-го выпусков номинальной стоимостью в 450 руб. продавались на бирже:

1-го мая	1910 года по	3.850 р. за акцию
2-го августа	1910 » »	5.575 » » »
2-го мая	1911 » »	5.550 » » »

Это дало возможность «Лензото» перенести центр тяжести своей работы на биржу.

При продаже акций после вышеупомянутой операции на номинальную сумму в 17.000 фунтов стерлингов было получено чистой прибылью 209.000 фунтов стерл. прибыль оказалась в 12½ раз выше стоимости проданных акций, иначе говоря, путем простой продажи акций, «Лензото» увеличило свой капитал в 12½ раз.

Звон золота — высшая музыка капитализма!

Власть золота — высшая власть!

И мы видим, что Витте, премьер-министр того времени, министр торговли и промышленности Тимашев оказывают полную поддержку «Лензото», ведут дружбу с Белозеровым, управляющим приисками «Лензото», видный чиновник Государственного банка Бояновский состоит одним из членов правления «Лензото».

Трогательное единение!

«Наверху» все было обработано. «Дело» «Лензото» было забронировано от чьего бы то ни было нежелательного вмешательства.

Как же обстояло дело «внизу»? Как фактически осуществило «Лензото» свою диктатуру на месте?

В 1911 году «Лензото» сосредоточивает в своих руках все местное «земское» хозяйство.

Оно содержало, платило, давало средства и — «властвующий экономически — властвует политически» — диктовало всему и всем свою «верхшнюю» волю.

«Лензото» оказывало пособие «казне»:

1) на содержание горно-полицейской стражи, доставляя последней помещение с отоплением и освещением и выдавая чинам стражи пищевое и конным чинам фуражное довольствие (это войско «Лензото»);

2) на содержание мест заключения (своя тюрьма);

3) на содержание квартир чинов тюремного управления (своя тюремщина);

4) на добавочное содержание 2-х мировых судей (свой «беспристрастный суд»);

5) на содержание квартир:

а) двух окружных горных инженеров Витимского и Олекминского округов,

б) двух мировых судей,

в) двух горных исправников (свои высшие власти),

6) на содержание правительственного почтового сообщения между с. Витимом и г. Бодайбо;

7) на квартирное довольствие чинам почтово-телеграфного ведомства (свои почта);

8) ассигнованно суммы на:

а) содержание и пересылку арестантов,

б) раз'езды должностных лиц,

в) ремонт приискового тракта,

г) содержание Бодайбинской больницы,

д) » больницы и приюта на Верном,

е) возмещение священникам Бодайбинской и Матвеевской церквей.

Полиция, суд, тюрьма, церковь, почта — все оказалось в руках «Лензото».

Родиться, жениться, лечиться, умереть, быть похороненным, попасть в тюрьму, быть обысканным, побитым, осужденным можно было только через «Лензото», только при его посредстве.

Оно с полным правом могло сказать каждому вступающему на почву Витимского района «жизнь и смерть твоя в моих руках».

Как осуществляло «Лензото» свою власть мы увидим в дальнейшем.

Все положение «Лензото» в районе было настолько исключительным, что видные местные чиновники сочли своим долгом обратить на него внимание «высших сфер».

В отчете за 1910 год окружной горный инспектор К. Н. Тульчинский докладывал «по начальству» следующее:

«Если привлечь во внимание, что Ленское товарищество скупило в 1910 году у К. промышленности и Прибрежно-Витимской все ее пароходы, рейсировавшие по рр. Лене и Витиму, в прошлом 1909 г. купило Бодайбинскую жел. дорогу и что, наконец, главные магазины в приисковом районе принадлежат тому же товариществу, то развертывается вполне ясная картина того, как Ленское товарищество превратилось здесь в могущественнейшую торгово-промышленную организацию, являющуюся почти на монопольных началах».

Правительству необходимо теперь же обратить самое серьезное внимание на сложившееся в округе положение, в целях своевременного устранения возможных причин последствий подобного сосредоточения всех сторон торгово-промышленной жизни в округе в зависимости от одного лишь Ленского т-ва.

Вопрос о борьбе со всеми вредными антиобщественными и антигосударственными стремлениями и популизированиями могущественных торгово-промышленных организаций, с так называемыми трестами, выдвинут жизнью даже в таких промышленно развитых странах, как С.-А. Соединенные Штаты и Англия, и вопрос этот в последние годы все более и более обостряется.

В России вообще и в частности в Восточной Сибири, при малом развитии капитализма, борьба с возникающими трестами лишь намечается, но для Витимского горного округа и соседнего с ним Олекминского создавшийся трест в лице Ленского т-ва является уже актуальным вопросом текущего дня.

Ленское т-во стало теперь единственным решителем судеб обоих соседних Витимского и Олекминского горных округов в отношении добычи золота, оно

является единственным владельцем местного железнодорожного пути и главным властителем в торговом мире на привесах и в паровом деле по р. Витиму и частью по р. Лене и, наконец, оно осталось здесь единственным рынком для спроса рабочих рук и служащих лиц.

Но не один только Витимо-Олекминский золотопромышленный район вместе с г. Бодайбо стал в полную зависимость от Ленского т-ва. Почти весь бассейн р. Лены, весь Верхотурский уезд и отчасти Балаганский и Нижнеудинский уезды, Иркутск, губ. сбывали до сих пор свои сельско-хозяйственные продукты золотопромышленникам Витимо-Олекминского района. Почти все довольно обширное скотоводство Якутской области существовало только благодаря сбыту скота на привески.

И вот, в этом обширном Приленском крае единственным покупателем всех сельско-хозяйственных продуктов осталось теперь только одно Ленское товарищество, могущее отныне диктовать всему этому краю свои цены и правила приемки продуктов и разных материалов.

Окружной инспектор сознает, что на нем, как на главнейшем местном представителе правительственной власти, лежит отныне большая ответственность и сложная задача, остававшаяся нелицеприятным, беспристрастным и вполне объективным, следить и принимать своевременно законные меры к тому, чтобы монополизированная деятельность Ленского т-ва не принимала слишком вредного направления в ущерб дальнейшему развитию местной золотопромышленности, и чтобы между приисковой администрацией и рабочим людом постоянно удерживались нормальные, здоровые отношения, основанные на законности, порядке и справедливости».

«Высшие сферы» обратили свое внимание, но далеко не в том направлении, как того хотел К. Н. Тульчинский. Он получил ответ, и этот ответ был классической характеристикой подчинения власти интересам капитала и твердости той гранитной крепости, которой защищало себя «Лензото».

Ответ был таков (приводим его полностью):

«До сведения г. министра дошло, что деятельность ваша по осуществлению горного надзора ставит Ленское т-во в столь тяжелые условия, что, если неудовлетворительные отношения между горным надзором и администрацией т-ва не изменятся к лучшему, предприятие это вынуждено будет закрыть свои менее богатые прииски и ограничиться разработкой одного только Феодосиевского. Указанные тяжелые условия создались, повидимому, главным образом, потому, что, исполняя свои обязанности в той их части, которая касается охранения и защиты интересов рабочих, и, останавливаясь при этом на чисто формальной почве требований закона, мы в то же время почти совершенно игнорировали интересы предприятия. Поддерживая престиж и дисциплину в дальней тайге, мы восстановили против себя всех старших служащих, а также всех врачей.

В виду изложенного, во исполнение приказаний г. министра, имею честь уведомить о нижеследующем. Г. министр придает особое значение созданию горным надзором таких условий для Л. Т., при которых деятельность этого, исключительно хорошо поставленного во всех отношениях предприятия, не только не тормозилась,

а, наоборот, нормально развивалась и преуспевала. Судя по имеющимся в распоряжении Горного Департамента данным, местное заведывание этим делом находится в руках опытного, с весьма хорошей стороны зарекомендовавшего себя администратора, лично известного министру, репутация которого сама по себе является порукой правильной постановки предприятия, хотя бы в смысле надлежащего урегулирования отношений между предприятием и рабочими. При таких условиях вашему своевременному надзору было бы при осуществлении вверенного вам горного надзора, наряду с самой стойкой защитой справедливых и законных претензий рабочих, не игнорировать также и интересов предприятия, причем образ ваших действий в сем случае несомненно будет подсказан вам вашим служебным тактом. Разумов».

Но, как известно из истории событий, инженер К. Н. Тульчинский был слабохарактерный, неуравновешенный человек.

Даже такой матерый воля царизма, как Иркутский губернатор Бантыш, писал по этому поводу: «Надо видеть на месте, своими глазами убедиться в специфических условиях жизни данного района, принять во внимание все совершенно исключительные условия, надо думать, нигде больше в мире не существующих законов (курсив В. П.), чтобы понять, что такое «Лензото» и его власть в районе».

А этот человек видел виды, он пишет о себе: «За девятилетнюю службу предводителя дворянства в Донецком бассейне я имел возможность ознакомиться с рабочим вопросом и видел близко не одну забастовку в 1905—6 г.г.».

И его условия, в которые поставило себя «Лензото», привели в большое «служебное смущение».

Прибавьте ко всему этому, что «Лензото» добывало в 1911 году 97,6% всего золота, в районе Витимской системы добывавшегося, и картина будет совершенно полной.

С таким врагом столкнулись наши товарищи в марте-апреле 1912 года. Сила, власть, золото,—все было в руках у этого врага, и естественно, что борьба с ним не могла быть легкой.

Что же представляла из себя та сила, которая встала на защиту своих прав?

РАБОЧИЕ НА ПРИИСКАХ «ЛЕНЗОТО».

Масса рабочих «Лензото» не была организованной. Профессиональной организации не существовало, опыта борьбы не было. Состав рабочих был чрезвычайно тонок.

По обследованию 1912 г. из общего числа 4.383 рабочих, давших сведения, работали:

1 операцию	1.530 чел.
2—3 операции	1.762 »
4—5 »	551 »
6—10 »	402 »
Не дали сведений	— »
Больше 10 операций	6 »
	132 »

Операция—год, с 1-го октября по 1-е октября 1921 года... 74,75% работало больше 3-х операций, это было более или менее устойчивое ядро, в общем чрезвычайно изменчивого кадра рабочих.

Процент квалифицированных рабочих, могущих иметь кое-какой опыт организации, был крайне незначителен.

Большинство рабочих—пришлые крестьяне, пошедшие в тайгу или от крайней беспроектной нужды или за «фартом», за золотом. Из всего состава рабочих уроженцев Азиатской России было 42,82% и Европейской России—57,18%.

Большинство рабочих молодые, сильные люди, в возрасте от 21—40 лет (72,55%) и только 5,77% от 41 до 50 лет.

Из всей массы рабочих 5.514 чел. (цифра на 1/1 1921 г.) было грамотных 11,66%, неграмотных 41,25%; остальные 11,09% не дали сведений. При всем этом, огромный %—7232%—женатых рабочих, из них 1.615 чел., или 50,94% всех женатых, имели семью с собой. Из женатых, имевших семью на приисках—55,17% имели от 1 до 2-х детей, 12,57%—по 3-е детей, 4,52%—4 дет., 1,55%—5 детей, 0,55%—от 6 до 8 детей.

В общем следует признать, что здесь мы имеем дело с сырой, неустойчивой массой, не только не испытанной в борьбе, но и мало о ней слышавшей.

Необходимо учесть, кроме того, борьбу в погоне за золотом, вызываемое человеческими, дикими условиями труда и быта, пьянство, игру, и мы получим совершенно четкую картину той массы, которая в марте—апреле 1912 года встала против могучего, закованного в броню врага.

Приняв все это во внимание, тем более удивителен ход борьбы при всех условиях, в которых она развивалась, тем более ярко выступает внутренняя, глубоко инстинктивная, классовая спайка массы, выявившаяся в ее несоизмеримо тяжелой борьбе с могучим врагом.

УСЛОВИЯ ТРУДА И ЖИЗНИ НА ПРИСКАХ «ЛЕНЗОТО».

Договор найма.

Основным пунктом, определяющим собою всю совокупность условий найма на Ленских приисках, следует признать пункт о сроке найма.

Срок договора со дня выхода на работу истекал для каждого рабочего 10-го сентября. Напомним, что этот срок совпадает с осенней распутицей, прекращением пароходного движения по Витиму и Лене и перерывом до санного пути всякого сообщения. Это с первого взгляда и без учета местных условий как будто неважное обстоятельство давало в руки «Лензото» несокрушимое оружие для подавления и закабаления рабочей массы.

Да и самый договор найма, на основании которого работали рабочие «Лензото», является совершенно исключительным по своему отчаянно-кабальному характеру.

Срок найма—1-е сентября (§ 1 договора).

В течение этого срока рабочий обязуется исполнить «всего рода горные, шахтные и домашние работы на приисках и резиденциях «Ленского Товарищества»... или в каком случае не позволяя себе отказываться от порученной работы... (§ 2-й).

Это давало возможность не считаться с п. 3, по которому квалифицированный рабочий не мог быть назначен на другой род работы, помимо своей квалификации, причем интересна оговорка о том, что квалифицированный рабочий мог быть назначен на другую работу, «если окажется, что специальность эта данным лицам недостаточно известна»; этот же п. 2-й отдавал, в связи с другими пунктами, во власть «Лензото» семьи рабочих.

Переход с одного прииска на другой по командировке при расстоянии свыше 5 верст производится в нерабочее время (п. 5).

Вода для питья доставляется в жилые помещения только во время с 1-го октября по 1-е апреля, в остальное время доставка сохраняется только при условии, если источник отстоит от жилья дальше 100 саж. (п. 6).

Ну, а кто мерил эти сажени? У «Лензото» верста могла сойти за 100 саж.

Рабочий день устанавливается с 1-го апреля по 1-е октября 11½ час., с 1-го октября по 1-е апреля—11 часов, перерыв на обед в эти часы не входит. Ночная смена не больше 10 часов *).

Пункт 10-й, определявший возможные условия отдыха, дни праздников и использование труда для сверхурочных и экстренных работ, давал «Лензото» полную возможность использовать рабочих совершенно независимо от дней отдыха, праздников, дня и ночи.

Доклад окружного инженера Тульчинского, по которому число рабочих дней в году у «Лензото» на одного рабочего в среднем равно от 310 до 312, вместо 260 по закону 2-го июля 1903 г., указывает на то, что по этому пункту договора «Лензото» совершенно не стеснялось.

Но особенно хорош пункт 12-й, который мы приводим полностью:

«На прииски мы должны, нанявшись на работу, являться одни, семьи свои можем приводить не иначе, как получив на то письменное разрешение управления и, в последнем случае, пришедших с нами женщин и подростков обязуемся, по требованию Управления, посылать в работу, отказываться от которой прибывшие с нами члены семьи не вправе, в противном случае подлежат удалению с прииска, по предложению Управления, Управление вправе рассчитывать рабочего, как нарушившего контракт. Женщины, назначенные в прислугу, получают по тридцать копеек в сутки и готовое содержание, или же по шестидесяти копеек в сутки без содержания, от того лица, у которого будут находиться в услужении; назна-

*) Курсив во всех документальных данных всюду принадлежит автору, за исключением мест, специально оговоренных.

ценные же на поверхностные горные работы женщины получают по две трети платы по талассе для рабочих мужчин. Кроме исполнения платных работ, женщины обязаны безвозмездно мыть полы в помещениях, где живут, и вообще заботиться о содержании этих помещений в надлежащей чистоте и порядке. Женщины и подростки, будучи назначены в работу, получают те же книжки и подчиняются тем же правилам, что и остальные рабочие».

Этот пункт, как мы увидим впоследствии, служил опорным пунктом и для своеобразного «права первой ночи», в XX веке существовавшего на Лене.

И еще один пункт 19-й, по которому:

«До окончания срока настоящего договора никто из нас требовать себе расчета, без особо уважительных причин, указанных в ст. 12 прил. к ст. 661 Уст. Гор., не имеет права. Управление же может уволить нас во всякое время по одной из следующих причин: а) за неспособность к работе, б) за неявку на работу более трех дней сряду без уважительных причин, в) за леность, г) за дерзость или дурное поведение, д) в случае обнаружения у кого-нибудь из нас заразной болезни, е) за сборища толпами, угрожающие порядку и спокойствию и ж) за всякое вообще нарушение с нашей стороны в чем-либо настоящего договора».

Прибавьте к этому, что даже этот договор для предварительного осведомления рабочим не предъявлялся, в расчетных книжках напечатан не был. Законом же были правила внутреннего распорядка, выработанные «Лензото».

Заработная плата.

Обставив условия найма крепкой паутиной, стягивавшей рабочего по рукам и ногам, «Лензото» не забыло поставить рабочего в условия, сводившие на нет его мечты возможно быстрее освободиться из лап «Лензото». Во-первых, закон предоставлял «Лензото» право удовлетворять рабочих заработной платой сполна единожды в год, по окончании промысловых работ. Во-вторых, когда Витимский район поглощает большую, чем необходимо было для дела «Лензото», армию рабочих, когда рядом с ним работал ряд достаточно сильных конкурентов, у рабочих была в общем ничтожная, но все же возможность, путем переходов с одного прииска на другой в горячий сезон, давить на заработную плату и держать ее на более или менее высоком и устойчивом уровне.

С монополией «Лензото» в районе эта возможность отпала, и у последнего была полная возможность дать рабочему ту заработную плату, которая ему, «Лензото», казалась достаточной.

Наряду с этим, весь административный аппарат «Лензото» был приспособлен к систематическому, неуклонному и полному грабежу рабочих на основании «закона», Ленским Товариществом установленных.

Вот цены на рабочие руки, установленные «Лензото» по сравнению со справочными ценами Бодайбинской Городской Управы:

Квалификация труда.	Цены, установленные «Лензото» поценно.				Справочные цены Бодайбинской Городской Управы.	
	От		До		Рубли.	Коп.
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.		
Возчики песков, вспомогат. рабочие, домашние и верховые рабочие, ремонт тракта, доставка мху, рубка дров, погонщики, вообще черно-рабочие	1	35	—	—	1	50
Добыча песков (горняки), сухие шахты	1	50	—	—	—	—
Кузнецы	1	90	2	25	2	90
Кровельщики	1	80	—	—	3	20
Малиры	1	80	—	—	2	70
Плотники	1	50	1	90	2	50
Столяры	1	90	2	20	3	—
Слесари	1	75	2	75	3	—

Здесь в первую голову сказывался срок найма (нам рабочих производился 1-го октября).

Предложение рабочих рук в этот момент превышает спрос в силу того, что работающие в тайге «старатели» на зиму идут к приискам и готовы работать за любую плату.

Семейный рабочий, которому некуда деваться с семьей, также ищет возможности остаться на зиму.

И перед «Лензото» открывается возможность диктовать любую заработную плату.

Но и тот заработок, который «Лензото» определяло рабочему, оно урезывало всеми способами.

Установление урока, вместо трех куб. аршин — четыре, (выработавшему сверх установленной нормы, за каждый последующий аршин приплачивается сверх основной платы по 50 коп. за куб. арш.), давало широкое поле для злоупотреблений.

Подсчет кубатуры добытого песка наторевшими по-ленски администраторами, при наличии 50% неграмотных рабочих, делался, конечно, «с ветерком», сдувающим солданные веревки без оплаты в карман «Лензото».

Махинации конторы с записями в книжках, при полной невозможности проверки со стороны рабочих, конечно, снижали заработок. Что подсчитали, то и свито. Слово «Лензото» — закон, «Лензото» не ошибается. «Лензото» нельзя не верить.

Но можете не поверить. Тогда вспомните: мороз от 40° до 50°, расстояние в 1.734 версты и т. д., и т. д.

Заработок чернорабочего максимум — 35—48 р. в месяц, слесари, мастера, машинисты — 90 р. и выше. Но 60% рабочих имели заработок не более 40 рублей в мес. Кроме того, «Лензото» широко практиковало расплату талонами на свои магазины и склады. Рабочие, получая, вместо денег, в которых контора отказывалась, талоны, продавали их скупщикам и, конечно, после на этих операциях убытки. Талоны—это были свои деньги «Лензото». Средний заработок Ленского рабочего за год равнялся 515 р. 65 к., округляя 516 р.

Средняя годовая добыча золота на одного Ленского рабочего равнялась за 1910 год 4 ф. 87 з.

При цене на золото, установленной Государственным банком в 4 р. 87 коп. за золотник, каждый рабочий давал «Лензото» в год 2.295 р. 21 к. Как видно отсюда, норма эксплуатации достаточно жестокая. Но мало этого. Из годового заработка всех рабочих, в сумме 3.186.219 р., «Лензото» отпало у рабочих в виде чистой прибыли от продажи рабочим продуктов 277.000 р. 80 коп. или почти полных 9% всей их заработной платы.

Вот, откуда получались 47% дивиденда, выданные «Лензото» своим акционерам.

Примите во внимание то, что задолженность «Лензото» рабочим по цифрам за 1909 г. на 1-е октября достигала крупной суммы, в 350.000 р., приносивших «Лензото» проценты, что, вырвавшись из лап «Лензото», рабочий мог уезжать только по железной дороге и на пароходах того же «Лензото», оплачивая стоимость проезда по таксе «Лензото», закупать в его же магазинах продукты на дорогу по ценам, им установленным, и вы поймете, какие «золотые горы» мог вывезти ленский горняк из этого ада.

Но остается еще «фарт», счастье, найти подъемное золото, самородок, обогатиться сразу.

Легенды—не больше. Сухие цифры статистики говорят о том, что за пять лет на всех приисках «Лензото» было поднято 17 п. 1 ф. золота или 0,45% добычи, а на богатейшем Феодосьевском прииске «Лензото» было поднято рабочими 1 п. 35 ф. 26 з. 83 доли золота за год или в среднем по 4 золотника на брата. Но это учет только сданного золота, а рабочие могли утаить, продать на сторону.

Но надо думать, что вырвать из цепких лап и острого надзора «Лензото» большого количества золота было нельзя.

Но оно, конечно, использовывало эту золотую удочку и,—такова природа человека,—многие шли на нее и жестоко попадались.

Так обставило «Лензото» вопрос заработной платы. Золотой паук хоронил свою паутину.

Жестоким прессом административного давления оно выжимало из рабочего максимум того, что может дать сила человека, обчетом, открытым грабежом снижало заработную плату и ежегодно выбрасывало из своей паутины сотни людей, истощенных, разбитых, искалеченных, разочарованных и ему больше неужных.

Технические условия труда.

Назвать их «каторжными» было бы слишком слабо. Их просто нельзя определить. Нет достаточно содержательного слова, которое могло бы передать это медленное, изо дня в день убивание рабочего, какому подвергались горняки «Лензото».

Вот как обрисовывают их товарищи-рабочие и сенаторская ревизия Манушина:

«Лесоспуск нет ни в одной шахте. Лес спускают в бабях в каждой шахте. Это очень опасно, особенно, когда спускается тяжелый лес, бывали от того и несчастные случаи. В каждой шахте для спуска рабочих лестница-стремянка. Глубина шахт от 18 до 23 саж. Главные штольни освещаются электричеством, но электричества не хватало, особенно зимой. Корридоры освещаются свечами, восьмериковыми, очень скудно. Лестницы—2 лампочки электрических на весь спуск, иногда свеча. Выката, по которым приходится катать тачки, очень плохи, нередко приходится катить по 1 доске, шириной 4—5 верш., большею же частью 4 верш., нередко приходилось падать в канавы, арш. до 1½ глубиною. На бортах штолен наваливалось много камней, целые груды, вышиною более 3 аршин. От сотрясения камни падают и убивают рабочих. Провода электрические всегда открыты. Спуск с инструментом в руках. Непромокаемых сапог не давали, были свои и за них подсчитывали. Обещали по новому договору платить за сапоги по 18 коп. в день. Непромокаемых кожанов, непровар и шин было очень мало, причем первых шаровар почти не было, то же и шин, а между тем вода бьет с боков и сверху, сильная вода всегда бывает сверху. На № 48 в шахте не было даже и кожанов.

При шахтах сушилок нет.

При сменной работе новые рабочие надевали мокрые кожаные отработавших рабочих.

Постоянно своя одежда всегда была мокрой. Зимой в мокрой одежде приходилось 3½ версты до Александровского, 1½ вер. до Загальдына и т. д. идти пешком.

Вентиляции в шахтах нет.

Выход из шахт по той же лестнице, по которой и вход. Смены всегда встречались на площадках приходится ждать минут по 15.

Инструменты свои, за исключением кайл и лопат.

Динамит хозяйский, но плохой, бывает много дыму и ядовитого газа, который при отсутствии вентиляции в шахтах держится очень долго, причиняя угар и головную боль. С признаками угара никогда не доставляют наверх. Угар не считается за препятствие к работе. Если угоревший не выходит после обеда на работу, день признается прогулом. В забоях работают по 4 человека с 2-мя восьмериковыми свечами. Ранее выдавались четвериковые, до Белозерова, потом шестериковые, а теперь—восьмериковые.

Белозеров, вступая на работу, заявил, что при мне работать будут не так, как при Граумане: «при мне у рабочих останутся нос да глаза, а у лошадей хвост да грива»).

Крайне интересно сопоставить с этим п. 8 правил внутреннего распорядка 1912—13 года:

«Мокрым забоем признается забой с приливом воды, обдающей рабочего сверху и с боков выше колена».

«Рабочий день должен был начинаться после второго свистка, который давался в 6 часов, но большинство смотрителей шахт Утесистого прииска требовали от рабочих, чтобы они становились на работы по первому свистку—в 5 часов, хотя после первого свистка рабочие должны только выходить из своих помещений на раскомандировку. Один из самых ревностных в этом смысле смотрителей, некто г. Синцов, заведывавший шахтой № 5, требовал, чтобы рабочие являлись еще до первого свистка. Я это хорошо знаю, так как, проезжая мимо шахты № 5 за несколько минут до первого свистка, я постоянно видел группы уже спускавшихся в шахту рабочих».

Малейшее опоздание влекло для рабочего целый ряд тяжелых последствий, как например, перевод на плохие, т.-е. тяжелые и плохо оплачиваемые, работы. И знаю случаи, когда опоздавшего на раскомандировку рабочего высылали на работы по проведению канав, где ему приходилось за 1 р. 60 к. работать весь день по-колено в воде, или же на верховые работы зимой при вознаграждении в 1 руб. 35 коп.» *).

«Внутри шахты, т.-е. место работ, освещалось электричеством, но провода были голые и очень часто рабочие, случайно во время работы прикоснувшись к проводам, получали увечья: нажмешь шляпа—прикоснешься, ударит в голову—и сорвешься».

Особенно трудно бывало работать в мокрых забоях: сапог и кожаных шаровар работающим в мокрых забоях не выдавали, кожанов также не было; вместо кожаного, выдавали брезенты, да и то не всегда и не всем» **).

«Освещение шахт было слабое, на спуск в шахту было 2 лампочки на 17—18 сажен, а часто и совсем не было, приходилось спускаться в темноте. Лестницы были не глухие, а стремянами, упасть с которых было легко, инструмента в бадьях не спускали, приходилось спускаться с инструментом в руках с опасностью ранить себя или товарища. В штольнях тоже плохое освещение, выката сломаны и пробиты, часто тачками ездят, опрокидывают их, особенно, когда штольни наполнены дымом от взрывов динамита. В штольнях канавы не закрыты, часто туда падают. От пожаров (оттаивание мерзлой почвы) часто бывает угар, заливаются они перед самым приходом на работу, отчего иногда приходилось вытаскивать угоревших. Вентиляция отсутствует, на зумфах ставятся жаровни (хмары), где кладут угли, а чаще дрова, которые дымят, и ест глаза. После пожаров никакой особой вентиляции не делается. В шахтах лесоспуск лишь на одной шахте, да и то без предохранительной сетки, так что бывают несчастные случаи. При слабом грунте не давали пастей, что влекло за собой осыпку породы, сопровождающуюся несчастными случаями».

*) Показания штейгера П—ева.

**) Показания рабочего Х—на.

При паводках нет раздевалки, так что в зимнее время при мокрых работах, особенно в мокрой одежде идут при 40° морозе, причем вся одежда обледеневает, так что приходится часа полтора самому оттаиваться в казарме. В шахте нет никакой воды, приходится пить почвенную воду» *).

На Андреевском прииске около 800 человек рабочих. Рабочий день начинается в 4½ утра и оканчивается в 7 час. вечера; на обед полагается час с четвертью зимой и час три четверти летом, но на самом деле обеденный перерыв только короткий, так как выходить из шахт разрешается только после свистка, а к свистку, который давался после обеда, все рабочие обязаны были находиться в шахтах. Не мало времени отнимала также ходьба в казармы, которые находились далеко от шахт.

Продолжительность рабочего дня часто удлинялась по произволу смотрителей: заставленного рабочих приходило по утрам на работу до первого свистка, а вечером оставаться в шахтах для устройства пожаров» **).

«Сенатор» практиковало еще один «остроумный» способ урезки заработка рабочего. Работу и праздничные дни оно засчитывало за прогульные дни, не уплачивая, таким образом, полуторной платы за работу в праздник. Это было «узаконено» правилами внутреннего распорядка.

Все показания рабочих и данные сенаторской ревизии говорят одно и то же.

Мокрая забой, путешествия мокреньким по шахты до дома 3—5 верст при 40° морозе, постоянная угроза упасть под обвал, свалиться со стремянки, парваться на тач, угодить от динамита, свалиться в канаву с 7—10 пудовой тачкой песку, всякое время администрации у рабочих утром, в обед и вечером, работа без отдыха чуть ли не по два дня в день круглый год.

Цара цифр укажет на то, какие это давало результаты. На Феодосиевском прииске амбулатория приняла за пять месяцев 4.915 больных при наличии всего населения на прииске 3.370 человек (из них 1.829 рабочих, остальные их жены и дети). В среднем это дает 1.229 посещений в месяц, т.-е. свыше 30 % наличного населения всего населения прииска.

В 1911 году по регистрации горного надзора было на 5.442 рабочих 896 несчастных случаев, т.-е. 164,6 на тысячу. Из них 7 смертных, 1 полная неспособность, 24 частичная неспособность к труду, получивших повреждение.

Интересно отметить, что во всех 24-х случаях при определении потери трудоспособности врачами «Лензото», ими было признано 0 потери трудоспособности.

При же лица, освидетельствованные другими врачами, Бодайбинской управы и др., получили определение потери трудоспособности от 15 до 50 %, а в одном случае даже 80 % при 0 от врачей «Лензото».

Честь и слава врачам «Лензото»!

Но не честная, гуманная, беспристрастная медицина!

Наша, а здесь «Лензото» осталось верным себе.

Лензото песку, как можно больше! Больше! Больше!

*) Докладная записка рабочего Андреевского прииска сенатору Манухину.

**) Показания рабочего Х—на.

А люди, рабочие?

Ведь их так много, они так дешевы!

Пусть только быстрее, полнее, переплавляются их пот, кровь, мускулы, сила, блеск глаз, молоко матерей, детский смех в блеск золота, в его пьянящий, чарующий звон.

Золота! Золота!

ПРАВОВОЕ И БЫТОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ «ЛЕНЗОТО».

Но всего этого для «Лензото» было недостаточно.

Дьявольский режим эксплуатации труда, ясный из всего вышеизложенного, режим, получивший от фамилии своего творца, управляющего приисками, название «Белозеровского», можно назвать петлей на шее рабочих «Лензото», но петлей незатянутой.

У рабочих, как у людей, оставалось свое вне рабочее время, в которое можно было бы отдохнуть от бешеной гонки за золотым песком.

Но «Лензото» нужны были совершенно покорные днем, ночью, всегда преданные рабы, готовые повиноваться ему во всем без исключения.

Правила, условия найма, договорные формы,—это были только ширмы, нужные для внешнего мира.

На приисках был выше их стоящий закон, «слово и дело» администрации «Лензото».

Администраторы «Лензото», начиная от цепного ярого пса, дворняги Филарета Бармина (обходной), через Самохваловых, Тепланов до самого вдохновителя этой своры славных густопсовых Белозерова, были для рабочих «Лензото» «и судья и закон». Ни полуслова против них, только покорность, рабское преклонение и тогда улучшение положения, выделение из общей массы, если же находилась непоклончивая голова, то ей была уготована методическая, изо дня в день, бытовая, повседневная, инквизиторская пытка. Худшая пища, сырой забой, ледяные канавы, беспрерывная работа, зуботычина, все, что могло унижить, смять человека, золотыми когтями содрать с него последние следы человеческого достоинства,—все это пускалось в ход.

Когда вы читаете огромную массу документов, пропитанных неизбежными страданиями, слезами матерей, детей, юных, не верится, не хочется верить, что могло быть так.

Но даже пристрастное следствие ревизий казенного типа (Манухин и другие) рисует кошмарную картину дикого, необузданного произвола.

Между служащими и рабочими создавалась нарочито и сознательно резкая грань во всем.

Лучшая, территориально изолированная от рабочих квартира, лучшее питание, высокая оплата труда и т. д.

Вот текст заявления рабочих Иркутскому губернатору:

«Несейный хлеб, но только для нас рабочих, а служащим по той же цене, в той же кухне выдавали сейный хлеб. Картофель и капуста часто была

плохого качества, но всегда делилась на две части: служащим давали лучшего качества и в том количестве, которое ими требовалось, нам же, рабочим, отпущалось картофеля не более 20 ф. на месяц и то в редких случаях. Рыба часто была недоброкачественная, но опять делилась на две части; лучшая опять давалась служащим, а худшую опять-таки заставляли брать нас, рабочих. Мясо было не того качества, т.-е. сорта. Мясо выдавалось нам, рабочим, такого-то свойства, а что маляки с вырезанными филеями, болонь, ребра, в 1/2 арш. с одной обтянутой кожей, и вообще, вместо мяса, выдавалась только передняя часть, как-то голова без языков, внутренности, заставляли брать насильственно с такими выречениями: «раз тебе записали в книжку, то бери, а то пусть валяется, а с тобой все равно пытут за них».

Этим достигалась определенная цель создать кадр преданных себе людей.

Бытовая обстановка, окружающая всю жизнь рабочего, была до дикости бедна.

«С ругательства начиналась работа и ругательством кончалась.

Шлык и шпионство. Доносы шли не только от служащих, но и от рабочих. Доносчикам и шпионам из рабочих давали ход. Их ставили в лучшие забой» *).

Тулунский в своем докладе писал:

«... размещение холостых рабочих в общих казармах, среди семейных рабочих, действует на всю вообще рабочую массу крайне деморализующе. Разврат и тайная торговля водкой жен рабочих свила прочное гнездо в приисковой рабочей жизни. И печально то, что вся эта жизнь, полная зверской грубости, флюксовщины и самого буйного разгула, в дни «общих» отдыхов протекает на глазах массы детей, живущих в этих казармах. Нечего и говорить, что воспитанное среди такой жизни молодое поколение не получит прочных нравственных устоев, скорее же всего создаст в местном населении преступный и больной элемент».

Этот, больше, чем крепостной, режим пополнялся еще одним, что едва ли поддается представлению мало-мальски культурного человека.

В средние века феодалы имели среди своей неограниченной власти, так называемое, «право первой ночи». «Лензото» недалеко отстало от них.

«Служащие ввели принудительную проституцию» — пишет в своем показании адвокат избирочный.

А вот показания женщин. Длинной вереницей тянутся они, повествуя комиссиям депутатов Думы о том, чем «Лензото» платило им за их каторжный труд.

Х-я Фекла, девушка, 15 лет. «Ходила на работу и в квартиры холостых. В собрании заведующий—если не придешь на работу—отцу грозил расчетом. На работе всячески ругал (материал), называл «суками» и «б...». Я раз с одной женщиной ходила мыть полы в помещение холостых. Один служащий подходит и

*) Показания избирочного Александровского прииска Ф. Р-ева.

зовет меня к себе мыть пол; я говорю: «уж у вас вымыто». Он все продолжал звать—тогда я говорю: «мы пришли работать, а не по комнатам рассказывать». Тогда он отошел, потом опять приходит, показывает портмоне и говорит: «вот—пойдем». Ночью нас гонили на вечера в собрание мыть посуду. Нужно было идти с 2-х часов дня и оставаться до рассвета, а то и позже. Во время стройки собрания, как-то раз мы ночью мыли пол, я оставалась одна в комнате, и здесь на меня прямо напал один служащий, но мне удалось отбиться. Слух ходил, что женщины на квартиры холостых посылали «по выбору» и что **строгим грозили увольнением**».

С-а Т., бездетная, замужем 4-й год, 24 лет. «Муж на Феодосиевском приiske был горняком, а я ходила на поденную работу и было у меня пять, шесть сынков. Как-то раз приезжает за мной Филарет Евсеевич и велел идти на работу к смотрителю Соломону Гавриловичу, фамилии не помню, жил он вместе с семейным братом. Идти, говорит, к нему стирать белье. Пришла я, до обеда простирала в кухне, он приезжает, спрашивает: «Кто это?» Я назвалась. Спрашивает меня: «где вы живете?» Я отвечаю, что на Загалдыне. «Вам будет далеко идти вечером. Вот раскатной привезет меня, а вас отвезет». Вечером, действительно, приехал раскатной, но без смотрителя, и спрашивает: «где прачка, вас велел отвезти». Тут невестка его спрашивает: «а где же Соломон Гаврилович?» «Он,—говорит,—остался у служащих в гостях». Поехала я, приезжаем к лавке на Феодосиевском, раскатной говорит: «тебя дальше на Загалдын повезет сам Соломон Гаврилович». «Нет, я с ним одна не поеду». Тут и он сам вышел из лавки, стала с ним спорить, он и говорит: «пу, я доеду с вами до холостой, а раскатной дальше вас довезет». Я села в сани сзади, а он впереди. Едем. Ночь темная... Раскатной вдруг соскочил с саней, тут Соломон Гаврилович прямо на меня навалился, повалил на дно саней... Я ногами стала его бить. Тут на счастье шло двое рабочих, он меня толкнул тогда с саней, а сам уехал. Рабочие провели меня домой. В эту ночь я все ноги себе отморозила—спиртом мне оттирали. Вскоре после этого стала я просить перевезти нас в Корею, но на это мне Филарет Евсеевич ответил: «того не заслужила, вот если бы с Соломоном Гавриловичем... (сказал слово неприличное, вам повторить не могу), тогда бы и получила». Летом опять Филарет Евсеевич послал меня на маевку к тому же смотрителю. Сначала я отказалась, но он стал грозить расчетом мужу, и я пошла к нему на квартиру, — он все еще жил с семейным братом, — и стала все готовить. К вечеру пришли гости и на ближайшем гольце устроили маевку. Мы остались с невесткой его дома и Соломон Гаврилович. Невестка стала говорить, что мне будет одной тяжело все носить в гору, надо было бы двух женщин взять, а тот отвечает: «ничего, я ей помогу сам». Невестка с детьми пошла на гольц, а он провожал. Потом вернулся и послал меня в подвал за пивом. Я спустилась, а он за мной, что-то заговорил, а потом вдруг повалил меня. Оба мы упали. Началась борьба. Потом я как-то вскочила, оттолкнула его, и он попал в кадку со льдом. Я вскочила наверх, а тут и невестка, видно, заметила, что нас долго нет. Я ей все рассказала. Соломон переоделся и ушел. Вскоре пришел муж, я его наказывала (придти, В. П.), если будет поздно. Мы с ним ушли, и я ему рассказывала. Через

день Филарет Евсеевич и говорит мужу: «приходи сегодня в раскомандировочную». Вспоминаю точно: я была на маевке 6-го июля, а это было девятого. В раскомандировочной ему объявили о расчете. Когда муж стал указывать, что на нем нет никаких провинностей и желал знать причину, становой сказал мужу, что он получил расчет—**через гордую бабу**».

З-аи А. «Я, лично, была назначена однажды мыть полы в квартире холостых служащих. Один из них (фамилии я его не знаю) сделал мне гнусное предложение. Когда же я, обиженная этим, заявила ему, что я честная работница, а не проститутка, он стал кричать и угрожал пожаловаться на меня Филарету Евсеевичу Бармину. После этого меня больше не паряжали уже ни на какие работы. В общем женщины желали работать, но требовали, чтобы работа не была для них непосильной и не толкала их на проституцию. Бывали случаи, когда девочек-подростков паряжали в качестве прислуги во время балов в собрании, причем возвращаться домой им приходилось обыкновенно поздно ночью. Ежегодно в мае месяце на Надеждинском приiske устраивались маевки в присутствии самого Белозерова. Втечение, по крайней мере, недели до маевки десятки женщин съезжались на Надеждинский прииск на всякого рода подготовительные работы, а во время самой маевки они должны были прислуживать. Опрошенные мной женщины жаловались на утомительность этой работы, грубое обращение с ними и, главным образом, на принуждение возвращаться по окончании праздника не дорогой, а почему-то обязательно лесом. Некоторые из женщин объясняли, что пьяные служащие преследовали их в лесу, приставая к ним с гнусными требованиями».

Т. С-а. «Во время маевого гулянья для Белозерова ко мне стал приставать С. Г. и хотел меня изнасиловать, но я его обругала; тогда он на меня пожаловался начальнику, и на следующий день моего мужа вызвали в раскомандировочную и объяснили, что **твоя жена дерзко относится со служащими, за это получай расчет**. И по сие время мой муж ходит без дела, а домой выехать не с чем, ни имея средств».

Анастасья Р—а. Томской губ. и у., 35 лет. «Муж ранен 4-го апреля, имею троих детей, живу на приiske Андреевском. Осенью прошлого года мне приказали драть мох. Работа эта очень трудная, а я была тогда «тяжелая» и ходила последнее время, ноги у меня распухли, как бревна, но пойти на работу я не смела, так как знала, что за это выгонят мужей. Однажды кустарник, который я тащила, вырвался у меня из рук, и я упала на правый бок, который после этого болел у меня несколько дней. Я сказала об этом обходному Федорову, когда он снова стал гнать меня драть мох. Но он выругал меня и угрожал, что назначит мужа к расчету. Тогда я пошла к доктору в центральную больницу. Тот велел акушерке осмотреть меня и выдал мне записку, по которой я должна была быть освобождена от работ на пять дней. Однако же не прошло и трех дней, как Федоров снова назначил меня на работу — на этот раз таскать камни для фундамента строящейся

и то время на Васильевском приiske электрической станции. Я отказывалась и показала ему докторскую записку, но он записку отобрал у меня, а мне пришлось все-таки идти работать на Васильевский прииск. Поработала я там всего два дня: очень сильно захворала и скоро родила мертвого ребенка. За эту работу нам проводили поденную плату».

И в заключение короткая четкая запись опроса Екатерины П—а: «Давать правдивые показания о всем отказывается».

Что вынесла эта женская душа, об этом нужно догадываться, но ясно и без догадок.

Забить на смерть человека, выбить из него все, что дает ему право называться человеком, низвести его на положение пса, животного, которого можно по своей прихоти ткнуть ногой во всякую минуту, презрев высокое имя женщины-матери, нагло попирать его, низвести ее на положение удовлетворяющей похоть одичавших, озверевших от власти людей,—вот последнее, что хотели и брали от рабочих «Лензото». Но, довольно, хотя и трудно удержаться от злых комментариев, когда прочитываешь строки показаний, пропускаешь перед своим умственным взором вереницы, тысячи товарищей, годами живших в этих адских условиях, которым трудно найти определение.

Так коваными звеньями золотой цепи охватывали самодержавие и капитал рабочую массу. И вырваться из ее объятий можно было, только разрушив ее.

Всему бывает конец, наступил конец и долготерпению Ленских рабов, и 25 февраля 1912 года рабы «Лензото» сложили руки, и поток золота, текущий из сибирской глуши, пресекался. Этого не могла вынести Лондонская биржа, ибо $\frac{3}{4}$ акций «Лензото» принадлежали английскому капиталу, и капиталистическая машина, при непосредственном участии самодержавия, заработала.

Две враждующие силы встали друг перед другом и...

СТАЧКА. НАЧАЛО И ЕЕ РАЗВИТИЕ ДО 4-го АПРЕЛЯ.

25-го февраля 1912 года одному из рабочих было выдано 10 ф. Лензолотовского «доброкачественного» мяса, среди которого оказался конский половой орган.

Это и послужило первичным поводом к забастовке, и к 3-му марта все прииски «Лензото» стали.

Администрации «Лензото» был предъявлен ряд требований, из которых только три были «политических», это—8-часовой рабочий день, увольнение служащих за грубое обращение с рабочими и повышение заработной платы на 30 %, т. е. повышение ее почти до норм, установленных Бодайбинской Городской Управой (см. табличку в начале книги).

И сию же минуту заработала правительственно-капиталистическая машина.

5-го марта «Лензото» за № 2386 телеграфирует Иркутскому губернатору:

№ 96.

Телеграмма.

«Срочный ответ 20 уплачен. Срочная. Его Превосходительству Ирк. Губернатору. Иркутск. Из Петербурга, от 5/III 1912 г. № 2386. Забастовка на приисках Ленского Товарищества охватила теперь все прииски Бодайбинского района и грозит перейти на железную дорогу и на правительственный телеграф. Рабочие на четвертый день забастовки предъявили ряд требований, как-то: установление восьмичасового дня, ограничение прав местного Управления рассчитывать рабочих в зимнее время и то по соглашению последних, требование удаления целого ряда служащих по указанию самих рабочих, изменение рабочих дней против закона 1895 года, увеличение платы по разным разрядам от 30 до 150 проц. и прочие. Правление, будучи лишено возможности удовлетворить такие неосуществимые требования, будет вынуждено, в случае упорства бастующих, прекратить все работы, рассчитать всю команду. Самый характер этих требований, а также общее поведение рабочих явно указывает на то, что забастовка возникла на почве квалифицированной агитации и поддерживается агитаторами. Крайне слабая охрана, имеющаяся в округе, не может обеспечить порядка, ни целостности приискового имущества, в том числе его складов и магазинов, служащих единственным источником пропитания для всего населения округа. В интересах, как дела, так и самих рабочих, которые могут, в случае порчи имущества, лишиться на долгое время значительного заработка, убедительнейше просим Ваше Превосходительство оказать скорейшее содействие посылке из Киренска на подводах, хотя бы за счет Т-ва, достаточного числа солдат для предотвращения беспорядков, а также о немедленном удалении из приискового района политически неблагонадежных элементов. Правление Ленского Товарищества».

№ 97.

Телеграмма.

«Срочная. Иркутск. Его Превосходительству Ирк. Губернатору. Из Петербурга. № 2799. Принята 5/III 1912 г. Получена с приисков тревожная телеграмма: бастующие угрожают полным разгромом приискового имущества, местные власти бездействуют, убедительнейше просим ускорить исполнение просьбы, выраженной в сегодняшней срочной телеграмме. Правление Ленск. Т-ва».

«Лензото» с места в карьер взяли твердый тон.

Обратите внимание: обе телеграммы от 5/III. Первая длинная с деталями событий и с указанием на квалифицированную агитацию.

Вторая короткая, но четкая, глубоко содержательная: «местные власти бездействуют», дайте солдат и... за этим, как будет видно дальше, «Лензото» твердо берет курс от Министерства Внутренних Дел на Департамент полиции. Ведь, «местные власти бездействуют».

Грандиозная провокация 4-го апреля началась.

В ответ на вторую телеграмму от 5/III из Киренска на подводах выехали солдаты, а из Иркутска—прокурор Окружного суда Преображенский.

А 8-го марта исполняющий обязанности главноуправляющего приисками инженер Тешин объявил рабочим, что правление «Лензото» «отказывается от дальнейших переговоров с рабочими».

«Лензото» молча делало свое правовое дело. Оно вело свою провокационную работу там наверху и цели своей достигло. Оно хотело отпихнуть от подавления стачки аппарат Министерства Внутренних Дел и, спровоцировав исключительное положение, всунуть все дело в руки Департамента полиции и корпуса жандармов.

Посмотрим на эту замечательную картину грезни царской опричины между собой за право подавления стачки.

Иркутский губернатор Бантыш шлет в Питер «Лензото» в ответ на вторую телеграмму от 5/III спокойный и деловой ответ:

№ 99.
Телеграмма.

«Петербург. Правление Лен. Золотопром. Т-ва, отправлена 6 марта 1912 г. По полученным мною сведениям, забастовка протекает мирно, рабочие спокойны. Мною предложены горным исправникам решительные меры к предупреждению беспорядков. В Бодайбо имеется воинская команда, в посылке нижних чинов из Киренска не встречается необходимости, в случае надобности, будет сделано распоряжение. Губернатор Бантыш».

А на другой день в Иркутск, командующему войсками, через голову губернатора, летит телеграмма следующего содержания:

«Иркутск. Командующему войсками, из Петербурга, от 7 марта 1912 года.
№ 100.

— В виду всеобщей забастовки на приисках Ленского Золотопром. Товарищества, в предупреждение возникновения беспорядков, могущих привести в расстройство крупнейшее золотопромышленное предприятие и для защиты желающих стать на работу, покорнейше прошу Ваше Превосходительство, не признаете ли возможным озаботиться усилением воинской команды в районе приисков товарищества. Подписал министр торговли Тимашев».

Г. Тимашев торопится: его друзья рискуют дивидендами, «ну, как не порадовать родному человечку?!»

А от 8-го Иркутскому губернатору летит запрос уже от Департамента полиции:

№ 104.
Телеграмма.

«Вх. № 1497. Иркутск. Губернатору. От Департамента Полиции. Из Петербурга. № 19136. Принята 8/III 1912 г. На депешу 2 марта благоволиите уведомить о дальнейшем ходе забастовки на Андреевском прииске и о настроении рабочих. За Директора Харламов».

«Бантыш отвечает по существу, в духе телеграммы, данной им «Лензото».

9-е и 10-е марта проходят в деятельной переписке о посылке войск из Киренска.

А 11-го марта уже сам директор Департамента полиции Белецкий давит на Бантыша телеграммой с предложением командировать на прииски кого-либо из должностных лиц.

Бантыш отвечает успокоительно, приговаривая, что «командировать кого-либо из высших должностных лиц за дальностью расстояния нет оснований».

Но Департамент полиции знал хорошо, чего хотел. 13-го марта Белецкий снова тревожит Бантыша телеграммой.

Последний сдержанно отвечает, что пока все спокойно, что он делает все, от него зависящее, но, раздраженный этим потоком телеграмм, срывается на характерное, вскрывающее подоплеку дела, заявление: «Не знаю, с какими еще новыми заявлениями обратится к Департаменту полиции Ленское Товарищество, но я категорически утверждаю, что в забастовке прежде всего и более всего виновато само «Лензото», поэтому скорейшее прекращение забастовки зависит исключительно от их доброй воли. Губернатор Бантыш».

«Лензото» не осталось в долгу и любезно разъясняет Бантышу в телеграмме от 20/III, что:

«Требования рабочих вынесены на общих собраниях, на которые бастующими полиция не была допущена, поэтому полагаем к таковым следует относиться с крайней осторожностью, и мы позволяем себе надеяться, что Ваше Превосходительство разделите наше мнение. № 1017. Правление Лен. Т-ва».

А вместе с тем, на приисках администрация возбуждает иски о выселении рабочих с квартир, решенные местным судьей Хитуним в пользу «Лензото», вынуждая Бантыша приостановить выселение, как явно невозможное.

Эта двусторонняя атака приводит к тому, что, в конце-концов, Бантыш просит Департамент полиции о назначении ротмистра Трещенкова помощником начальника Иркутского жандармского управления Витимско-Олегинского округа, на что 22/III дается согласие.

И, наконец, Бантышу наносится последний удар. С одной стороны Белозеров атакует его телеграммой высоко незуитского характера:

№ 133.
Телеграмма.

«Иркутскому Губернатору. Из Петербурга. Принята 23/III 1912 г. № 13062. В виду полученных мною из Иркутска устных сведений, бросающих яркий свет на стремления Вашего Превосходительства достичь справедливого для обеих сторон окончания возникшего на Ленских приисках конфликта, позволяю себе уверить Ваше Пр-во, что и правление, и местное управление, и я стремимся к той же цели. Лишь себе надеждой, что из личного осмотра приисков вы вынесете впечатление о чуждом отношении т-ва к нуждам рабочего населения; в частности по вопросу о плато, не поддаваться требованиям рабочих, то прошу верить, что руководствуемся при этом столько же интересами самих рабочих, как и интересами вверенного мне дела. Белозеров».

А тов. министра внутренних дел бьет следующей телеграммой, являющейся чуть не прямым обвинением Бантыша в бездействии власти:

№ 134.

Телеграмма.

«Пркутскому Губернатору из Петербурга. Принята 23/III 1912 г., № 17436. На поступившего заявления Лензото видно, что депешей 20 марта Главн.упр. Теппана сообщил Вашему Превосходительству о целом ряде учиненных забастовщиками насилий и самоуправств, выразившихся в обысках полицейских домов, насаждении поездов, удалении с работ нежелающих бастовать, непризнании судебных приговоров. Не находя возможным при наличии таких явлений признавать течение забастовки мирным, исходя из соображений, что т-во должно выполнять только обязательства, вытекающие из договорных отношений, что законные постановления судебных властей подлежат неуклонному исполнению, что процитированные забастовщики не могут быть возлагаемы на обязанность казны и в виду категорических указаний, изложенных в депеше моей 22 марта № 153, поручаю Вашему Пр-ву, в ответ на № 5, безотлагательно дать ротмистру Трещенкову определенные директивы для локализации забастовки, прекращения со стороны забастовщиков всякого рода незаконных выступлений и выполнения законных постановлений судебной власти. № 157. За Министра Внутренних Дел Тов. Мин. Золотарев».

Бантыш раздражается длинной телеграммой, которая очень характерна:

«Петербург. Министру Внутренних Дел. Отправлена 24/III 1912 г. На № 157. За Мин. Внутр. Дел. Тов. Мин. Золотарев. Доношу, заявление Теппана известно мне и прокурору, нами своевременно были сделаны соответствующие распоряжения. Именно потому, что Лензото нарушило свои обязательства по отношению к рабочим, вытекающие из договорных отношений, требования закона и обязательных постановлений Горнозаводского Присутствия, забастовка и возникла. Вот почему, принимая во внимание совершенно исключительные местные условия торговли, найма рабочих, отсутствие населенных мест, спроса и предложения рабочих рук и других, создалось такое почти безвыходное положение при исключении возможности достижения миролюбивого соглашения. В продолжение почти месяца неоднократно докладывал о сем Министерству, но тем не менее не только категорических, но вообще никаких указаний до сих пор не получил. С ротмистром Трещенковым по соглашению с Нач. Жанд. Управл. сделаны необходимые предварительные соглашения. В своих распоряжениях я учитываю нарушение со стороны обеих заинтересованных сторон, но должен соразмерять свои действия с обстоятельствами положения. За десятилетнюю службу Предводителя Дворянства в Донецком Бассейне я имел возможность ознакомиться с рабочим вопросом и видеть близко не одну забастовку в 1905—6 годах. Но вряд ли меня можно упрекнуть в недостатке решительных действий, но я привык в критические моменты не стесняться в средствах, когда лишь твердо сознаю их необходимость и целесообразность. Но в угоду интересов Ленского Зол. Т-ва я не могу попирать закона и пока не вижу оснований тех рабочих, виновных лишь в нарушении договорных отношений, высылать в админи-

стративном порядке. Самое выселение рабочих по приговорам Мирных Судей нельзя приравнивать к таковому же действию в других населенных местностях. Во первых, нигде нет квартир, куда рабочие могли бы переехать, ни магазинов, кроме Лен. Т-ва, где можно было бы приобрести продукты первой необходимости, не говоря о том, что у должников нет заработанных денег. Сосредоточение рассчитанных рабочих в Бодайбо неминуемо грозит беспорядками, в особенности на праздниках. Затем надо себе представить насильственное выдворение из округа семьи рабочих с их вещами при наличии военно-полицейской охраны. Причем из Бодайбо надо нести лошадей при полном бездорожье триста верст до Витима по совершенно безлюдной тайге, где абсолютно нельзя достать ни фуража лошадям, ни никаких продуктов людям. Какими мотивами я буду оправдываться в доказательство закономерности и целесообразности моих по этому поводу распоряжений. Я не могу поставить вне закона, согласно требованию Лен. Т-ва, рабочих, участвующих в мирной забастовке. Обязывать «Лензото» кормить забастовщиков за свой счет я не могу, но раз правительством издавна допущено полное порабощение громадного Витимско-Олекминского района Лен. Зол. Т-вом в смысле монополизации всей торговой и промышленной жизни края, то вызвать бунт на почве голода между должниками «Лензото» я тоже не могу. Надо видеть на месте, своими глазами убедиться в специфических условиях жизни данного района, принять во внимание все совершенно исключительные условия, надо думать, нигде больше в мире не существующих законов, чтобы ориентироваться в этом конфликте, представляющим собою сочетание последствий продолжительного действия самых сложных и притом совершенно аномальных социальных, экономических и других факторов. Вступив в управление губернией, я летом прошлого года на месте лично изучал это положение, я почти предвидел эту забастовку, говорил об этом с Главным управляющим Белозеровым и в этом смысле представил Генерал-Губернатору подробный доклад, сохраняющийся у меня в копии».

В ответ на это Министерство Внутренних Дел бьет снова в ту же точку:

«Благоволите иметь в виду, что все проявления правительственной власти по поддержанию порядка, обеспечения личной и имущественной безопасности отдельных лиц и охрана сооружений должны быть твердыми и определенными, не допускающими колебаний. Агитаторы, подстрекатели, особенно на политической почве должны быть безусловно выяснены. В виду отсутствия Министра, прошу Вашего Превосходительства держать меня в курсе забастовки и Ваших мер. № 222. За Министра Внутренних Дел Тов. Мин. Золотарев».

На этом поединок за честь сжать в бараний рог рабочих между чиновниками Министерства Внутренних Дел и Департаментом полиции закончился.

Четкость предыдущей большой телеграммы не следует учитывать, как «горящее сердце» Бантыша за рабочих, как увидим впоследствии, это была отповедь лишь ослепленного верного слугаки.

Бантыш превращается в почтово-телеграфный пункт для непосредственных сношений Департамента полиции с Трещенковым, назначенным начальником по-

линии округа. С повышением на приисках Трещенкова, ход событий для центра становится «ясным». Еще бы, Трещенков хорошо знал, чего от него хотят.

29-го Бантыш передает Питеру телеграмму Трещенкова. Она носит совершенно четкий характер:

«Забастовкой рабочих руководит стачечный комитет, во главе которого стоит ссыльно-поселенец Зеленько, на приисках раз'езжают агитаторы, поддерживающие забастовку. Были неоднократные случаи насильственного снятия рабочих забастовщиками под угрозой избиения. Дальнейшее проявление забастовки, по заявлению главного управляющего, грозит предприятию в виду необходимости экстренных работ для ограждения приисков от затопления весенними водами, в противном случае прииски летом функционировать не будут. Настоятельно нахожу необходимым арестовать агитаторов, стачечный комитет, бастующих ссыльных, кои мною выяснены в числе семнадцати членов, хотя бы для этого пришлось прибегнуть к оружию. Кроме того, на приисках проживает значительное количество ссыльных, не имеющих на это права. **Есть основание предполагать, что с арестом забастовка будет сорвана.** Судебным материалом, распоряжениями губернатора ознакомился вполне. Полицию единственно в чем можно упрекнуть, это—в полной растерянности и непринятии мер в начале к прекращению насилий. Растерянность вселила в рабочих уверенность, что власти с ними ничего поделать не могут. Администрация «Лензото» оказывает во всем полное содействие и удовлетворяла ряд требований, касающихся улучшения быта и распорядков. В следствии по 125 статье Уголов. Уложения есть некоторые указания, что забастовка организована ссыльными и на возможность возбуждения дознания по 129 ст., производство коего, в случае возникновения, ходатайствую поручить тому же судье. О дальнейшем буду телеграфировать».

Вот это для Департамента полиции было настоящее дело.

Трещенков идет прямо. Бантыш вяляет, предлагая арестовать не весь комитет, а часть его. Но 30-го Белецкий телеграфирует Бантышу в совершенно категорических тонах:

«Н-ку Иркут. Губ. Жанд. Упр. 30 марта 1912 г. 30 марта предложите непосредственно ротмистру Трещенкову **немедленно ликвидировать стачечный комитет и, если не будет данных для дознаний или следствия, возбудите охранную переписку. № 167. И. д. Директора Белецкий**».

А 31-го проверяет через начальника Иркутского жандармского управления, выполнено ли это его предписание.

2-го апреля телеграмма Белецкого была передана Трещенкову, и у последнего были окончательно развязаны руки.

Этим операция сверху была закончена, и события, переданные на волю Трещенкова, прямо и быстро идут к 4-му апреля.

ПОЛОЖЕНИЕ НА ПРИИСКАХ ОТ НАЧАЛА СТАЧКИ ДО 4-го АПРЕЛЯ.

Аппарат власти ревностно взялся за дело ликвидации стачки. «Лензото» бестрепетно провело кампанию наверху. Оно дискредитировало в глазах Питера местную полицию и вынудило центр после краткой дуэли Бантыша с Департаментом полиции отдать дело разгрома стачки в руки последнего. Тон донесений Трещенкова, через почтального почтальона Бантыша, был тоном независимого от него чиновника жандармерии.

Но «Лензото» знало, что опереться на центр—это еще не все, кампания должна быть проведена и на месте. Аппарат «Лензото» на приисках действовал твердо, держась директив своего центра.

Спровоцировав власть ложной, как увидим дальше, информацией о боевом характере стачки, местная администрация «Лензото» ставит рабочих перед невозможностью быстрейшей ее ликвидации.

Исполнявший обязанности главного управляющего приисками инженер Тепляковательно, с твердым расчетом провоцирует бастующую массу.

Проследим шаг за шагом ход развития этой беспримерной борьбы.

Непосредственной причиной, вызвавшей стачку, которая была подготовлена всем предшествующим, было «незначительное», с точки зрения «Лензото», обстоятельство.

В своем прошении горному окружному инженеру рабочие 1-го марта 1912 года пишут (приводим документ во всей его бытовой красочности):

«...кухонная администрация дошла до того, что 25 февраля вручила одному рабочему бычий член, а другому такой же лошадиный, со всеми принадлежащими частями. При виде такого мяса у многих появилась сильная рвота, в особенности у женщин». При этом прошение устанавливает, что: «...рабочие всегда получают на кухне негодное мясо, в большинстве случаев с болячками и прочими несъедобными частями, в виду чего и происходит повальное заболевание рабочих животными».

«На основании всего вышеизложенного,—говорится в прошении,—рабочие просили принести общую жалобу и с этой целью 29 февраля не вышли на работу».

Это прошение было подано от рабочих Андреевского, Васильевского и Утесового приисков.

Вот те требования, какие были нижеизложены в поданном прошении:

«Покорнейше просим господина окружного инженера: 1) проконтролировать все мясо и негодное выбросить. 2) Разделить мясо по сортам и сообразно качества его установить цены с таким расчетом, чтобы 3 фунта 1, 2 и 3 сорта (по фунту каждого) сумма согласовалась с существующей за 3 фунта, и выдавать одно количество разных сортов и, таким образом, уничтожится разница между служащими и рабочими в получении мяса за одну и ту же цену. 3) Вменить в обязанность служащим кухни не повторять «не хочешь, не бери», так как мы все потребители

равны и цены платим одинаковы. 4) В амбарах и магазинах устроить соеуды для навешивания продуктов, как-то: муки, картофеля и капусты, так как до сих пор на посуду не употреблялось и практиковалось обвешивание. 5) Расширить больницу, так как доктор выписывает совершенно больных за неимением места, на работе их заставляют исполнять работы, как здоровых. 6) Внимательное отношение доктора с больными, сейчас практикуется обратное, пищу дают невозможную, белья больничного не хватает, лежат рабочие в своем белье, от чего масса насекомых. 7) Одедную работу каждого дня записывать в рабочую книжку при сдаче работы и, если выработка по состоянию дружка не будет подана, подсчитывать хозяйское (т.-е. поденную плату). 8) Вменить в обязанность смотрителям следить за достаточным освещением шахт, лестниц и исправностью выкатов. 9) Вежливое обращение с рабочими служащими: на всякую просьбу освещения или чего другого они отвечают площадной бранью и оскорблением, и таковые, как г. Горелов, Феоктистов и Баженев, превзошли других и достаточно вывели из терпения рабочих, просим их удаления. 10) Выписывать не талоны, а наличными деньгами, по мере надобности и сообразно заработка. 11) Допустить выборного в кухню, который следил бы за правильной выдачей продуктов и соблюдением очередей, чтобы, раз служащие пользуются кухней и за таковые же цены,—и получали также продукты в очередь. А выборные от рабочих содержались бы на хозяйском жалованьи и сменялись по требованию рабочих. 12) Все дни, потерянные в данном случае по вине администрации, проводить, как рабочие. 13) Являющиеся лица, как депутаты от рабочих, а также и другие рабочие, не должны быть преследуемы и рассчитаны. Марта 1 дня 1912 года».

3-го марта к стачке присоединяются рабочие Пророко-Ильинского, Александровского, Надеждинского и Феодосиевского приисков и на общем собрании от 3 марта вырабатывают ряд требований, которые «Лензот» признало «неосуществимыми».

Вот эти требования:

Прекратить работы до тех пор, пока не будут удовлетворены требования всех рабочих.

Время забастовки должно писаться, как рабочее время, т.-е. поденно.

Время забастовки не должно ставиться в вину забастовавшим, так как эта последняя вызвана насущнейшей необходимостью неудовлетворенных вопросов, которые ставятся в голову требований.

Наши требования.

1. Во все время забастовки продовольствие по кухне должно выдаваться по обыкновению.

2. а) продовольствие по кухне должно выдаваться на равных условиях со служащими. Все продукты на кухне должны выдаваться в присутствии уполномоченных, которые назначаются рабочими того же района, в котором предстоит выписка; б) мясо должно делиться на два сорта; в) квас должен быть в летнее время за счет Л.-З. т-ва; г) хлеб ржаной должен быть сеяным; д) картофель должен

быть обязательным; е) капуста должна быть обязательной, и ввиду того, что она предохраняет от цинги.

3) а) расширение квартир с достаточным количеством воздуха, с бесплатным же освещением; б) холостым одна комната на двоих, а семейному одна комната. Отделанные помещения прачечная и сушилка.

4. а) рабочие, наивышшие по профессии, не должны посылаться в ту область труда, где не требуется их профессиональное знание, а также горнорабочих. Установить очередную сменность работ; б) ни один рабочий не должен увольняться в зимнее время. **Увольнение должно быть летом**, и при том же должен быть выдан обязательно бесплатный проезд с семьей до Жигалова; в) если же администрация увольняет рабочих, то должна рассчитать по закону.

5. а) восьмичасовой рабочий день. Предпраздничные дни по семь часов. Воскресенье и двенадцатые праздники работать не обязательно, а считать эти дни льготными; если же в эти дни производится работа, то должно с 6 часов утра до 1 часу дня, и писать их за полтора дня; в) неурочное время должно оплачиваться за первые 2 часа—3 часа, а за последующие часы, за каждый час—2 часа.

6. Существующая такса должна быть увеличена пропорционально платы: до 2 руб.—30% до 2 руб. 50 коп.—20% и свыше—10%. А для горнорабочих отрядные работы не принудительны, а по взаимному соглашению.

7. а) каждый день должен вывешиваться табель с проработанного дня, а также и по окончании месяца, в табели должен быть подсчет за целый месяц; б) горнорабочим должны выдаваться ежедневно ярлыки на выработку.

8. Уплата заработка должна производиться ежемесячно и полностью в конторе мастерской и на стану, причем получатель должен расписаться в табели о сумме, которую он получил.

9. Выписка по амбару для мастеровых должна производиться тремя днями раньше горнорабочих.

10. Отмена штрафов.

11. Всем рабочим и мастеровым не должна сбавляться поденная плата. Рабочим, командированным на дальнее расстояние, должен платиться полуторный оклад.

12. По первому требованию больного должна явиться медицинская помощь. Болезнь рабочего по вине Л.-З. Т-ва оплачивается поденной платой, а болезнь вообще—полднем, до дня выздоровления. Обязательная выдача удостоверений больным.

13. Чтобы администрация не увольняла по личным капризам, а делала это с ведома рабочей комиссии.

14. Непринужденность железного труда.

15. Вежливое обращение администрации, рабочих называть не на «ты», а на «вы».

16. Устранение административных лиц: а) Утесиего прииска: ст. шах. Ивана Синцова; б) Андреевского прииска: смотр. Горелова, служ. Феоктистова и Баженева; в) Пророко-Ильинского: управляющего Кобылянского, смотрителя Иевлева, служащего Бегузарова; г) Александровского прииска: смотр. Костина, Казина, бр. Кузнецовых, Шебеко, инженера Савельева, станového Анненгольм и слу-

жащих: Токарева, Каморникова и Пестякова; д) Надеждинского прииска: заведующего мастерской А. Демут; е) Феодосиевского прииска: станového Сташкинovo, инженера Бромиракого, смотрителей: Каржанович, П. Русакова, кассира конторы, обходного Бормина, Штейнер, плотн. маст. Макарова и Горшунова.

17. За время забастовки никто не должен пострадать.

О гарантии выборов.

а. Чтобы делегатам от всех забастовавших приисков было предоставлено право на время переговоров пользоваться бесплатным проездом от ст. Феодосиевской до ст. Бодайбо, а равно и на лошадах.

б. Чтобы Управление Л.-З. Т-ва снеслось бы с местной полицией о гарантии свободы делегатов.

в. Чтобы на время забастовки выборным был предоставлен народный дом.

г. Чтобы административной властью не назначались на работы отдельные лица, предварительно не испрошив разрешения делегатов.

Мы хотим, чтобы забастовка носила миролюбивый характер, а поэтому заявляем: если будут применены карательные меры к нашим уполномоченным, тогда мы снимаем всех рабочих с работы.

Едва ли не в первый раз в истории стачечной борьбы «обязательная капуста» удостоилась высокого звания «неисполнимого политического требования». Все требования, не исключая и 8-часового рабочего дня, не выходят из рамок даже царской законности.

Теплан решает вступить в переговоры с рабочими, о чем свидетельствуют удостоверения или «уполномочия», выданные рабочими своим выборным, орфографию документа сохраняем полностью:

«Уполномочие рабочих. 1912 года, марта 3 дня все рабочие прииска Пророко-Ильинского, мы именно все единогласно обсудили выбрать рабочих из среды себя послать для обсуждения решительных вопросов **потребованию правления выслать на Надеждинский прииск**, в том мы удостоверяем все, что nebude некаких беспорядков и тингине сподойствии доокончания дела и затем назначивших посланных лиц по имя фамилии (следует 7 имен с фамилиями) и затем именно единогласно подписуемся все рабочие попорятку». Следует 423 подписей.

И еще одно:

Удостоверение.

«Мы, рабочие депо Александровского прииска, забастовали 2-го марта 1912 года и по приказанию Главноуправляющего Промыслами Л.-З. Т-ва избрали из своей среды рабочего Баташева для переговоров с Управлением о наших нуждах, в чем и подписуемся» (следует 49 подписей).

Последнее удостоверение прямо указывает на приказание Главноуправляющего Промыслами Л.-З. Т-ва избрать выборных.

А 4-го числа из Питера получается на требования рабочих классический по своей грубости ответ:

«Из Петербурга, № 2293. От 4 марта 1912 г. Срочно передать телефоном Бодайбо Теплану. Ответ на 376. Сговорившись с Белозеровым, решили **согласиться осветить средину казарм и проходы за счет дела**. Никого из забастовавших не рассчитывать не только до лета, но и до срока контракта, если станут на работы во вторник и будут дальше вести себя спокойно и исполнять все пункты договора. Если команда не примет этих условий, не станет на работу вторник, то произведем полный расчет, прекратите водоотливы. Правление Ленского Товарищества».

А от 8-го марта получается вторая телеграмма следующего содержания, комментировать которую излишне, настолько она ясно говорит сама за себя:

«Срочно. Бодайбо. Теплану. Из Петербурга, от 8-го марта 1912 г. Получили от рабочих телеграмму. Соберите на каждом прииске всех рабочих, прочтите им следующий ответ. При заявлениях Правление всегда принимало и будет принимать меры к обеспечению доброкачественности выдаваемых припасов, улучшению быта рабочих, никоим образом не допустит каких-либо злоупотреблений, но изменить условия найма не может, просит не слушаться главарей, сбивающих вас с пути и спокойно прийтись за работу, обеспечивающую вам с вашими семьями достаточный заработок, в то время, как по всей Сибири и значительной части России народ голодный. Если же будете упорствовать и слушаться неблагонамеренных людей, Правление, в силу необходимости, будет вынуждено оставить дело за убыточностью его. Правление Ленского Т-ва. 876».

И в тот же день, 8-го марта, Киренский уездный воинский начальник отправляет в Бодайбо воинскую команду в 75 человек.

И в тот же день Теплан вывешивает объявление, ставящее стачку на мертвую точку. Объявление гласило:

«Главное Промысловое Управление объявляет всем рабочим «Ленского Зол. Т-ва», самовольно прекратившим работы, что **Управление от дальнейших переговоров с забастовавшими рабочими отказывается**, считает, что со стороны рабочих нарушены условия найма, и объявляет, что всем рабочим, невышедшим на работу 8-го марта в установленное время, предлагается явиться в надлежащие конторы за получением причитающихся им денег и документов. Неявившимся за расчетом, из числа тех, которые не вышли на работы 8-го марта, таковой после 12 ч. дня 10-го марта будет произведен через г.г. горных исправников, которым и будут присланы деньги и документы. И. об. главноупр. промыслами, горный инженер Теплан».

С этого пункта устанавливается единство действий администрации «Ленского» с окружным инженером, вывешивающим от себя объявление *):

*) В это время обязанности окружного инженера Витимского округа К. Н. Тульчинского исполнял инженер П. Александров. К. Н. Тульчинского на приисках в это время не было. Он приехал позднее.

Объявление.

«Так как приписковые рабочие «Ленского Товарищества», по моему требованию и предложению Управления, в назначенный срок к работам не приступили, то с этого момента они подлежат ответственности по ст. 367 уголовного уложения (заключение в тюрьме, те же из них, которые возбуждают рабочих к продолжению стачки, будут ответственны по пункту 3 ст. 125 того же уложения (заключение в исправительном доме или заключение в крепости). О чем объявляю всем рабочим во всеобщее сведение. Прииск Надеждинский. 8-го марта 1912 года. И. об. окружного инженера Витимского Горного Округа, окружной инженер Олександровского Горного Округа П. Александров».

Старая песня и, как всегда, с приложением нот, в виде «Извлечения из устава уголовного уложения».

Все пути к мирному улаживанию конфликта были отрезаны. «Лензото» твердо оперлось на власть, и отошло в сторону, помогая последней лишь рядом провокационных действий, направленных к срыву забастовки.

15-го и 17-го марта мировой судья Хитун, один из получавших от «Лензото» «дополнительное» вознаграждение, квартиру и пр., выносит приговор: «выселить немедленно из казармы и с приисков «Ленского Т-ва» рабочего Х. и взыскать с него (рабочего) в пользу последнего (т.-е. «Лензото») три рубля судебных и за ведение дела издержек, решение подвергнуть предварительному исполнению».

Зима, март на Лене—это не март в центре России, полное отсутствие каких-либо квартир, кроме бараков «Лензото», 320 верст до первого жилого места (Витима), ибо Бодайбо было также в руках «Лензото»,—вот перспектива, перед которой фактом этого приговора были поставлены рабочие.

Это—с одной стороны. С другой—судя по телеграмме рабочих следующего содержания:

«Иркутск, Генерал-Губернатору, копия Горное Управление. Просим вашего распоряжения. Продовольствие семейным для жен, детей не выдается, 10-го марта объявлен расчет, не выдают до сих пор. Следствие производится без участия рабочих, как свидетелей, и не на месте работ. Полицейские власти насилуют на работу. Вызывающие поступки полиции волнуют нас...»

Выдачу продовольствия для жен и детей рабочих «Лензото» прекратили, а 20-го марта окружной инженер Александров на прошение рабочих 2-й дистанции о воздействии на «Лензото» с его стороны по выдаче продовольствия отвечает с удивительно спокойным цинизмом:

«На заявление рабочих от 20-го марта 1912 г. относительно выдачи пищевого довольствия тем из бывших рабочих «Ленского Т-ва», которые не имеют по книжкам никаких додоч, раз'яснено:

1) Никакой следственной комиссии на прииска не послано, подобные дела решаются или соглашением с управлениями или же судом по отдельным искам недовольного рабочего.

2) Пункт 10-й правил внутреннего распорядка относится только к рабочим, которые еще не имеют заработка, но не к лицам, уже прекратившим работы.

3) Мне сообщали, что забастовщики обещали прокармливать за свой счет тех немущих, которые примкнут к забастовке, поэтому я рекомендую забастовавшим рабочим исполнить свое обещание или же немущим выйти на работы для отработки своего пищевого довольствия.

При этом добавляю, что для «Ленского Т-ва» необходимо немедленно приступить к исправлению сплотов и проведению ледяных канав, иначе весенней водой работы может затопить, и дело становится уже вследствие стихийного бедствия (см. ст. 41 правил найма на странице 15 расчетной книжки). 20-го марта 1912 г., 8 ч. вечера, окружной инженер Александров».

И, удивительное совпадение, 2-го апреля ротмистр Трещенков получает предписание об аресте стачечного комитета, а инженер Теплан идет на очень действенное средство: он открывает разработку шахты № 46 с очень большим содержанием под'емного золота. Бросает золотую удочку.

Эти «труды» местной администрации «Лензото» пополняются действиями центра.

Поверенный «Лензото» Солодилов, приехавший в Иркутск для «налаживания дела», телеграфирует в Питер «Лензото» результат своей деятельности в Иркутске: «Будет отдано распоряжение арестовать, выселять, охранять, поддерживать порядок»...

Принимая, что до этого незадолго Иркутский губернатор Бантыш отменил выселение рабочих с приисков по приговору мирового судьи.

И в тот же день Солодилов сообщает, что предыдущая телеграмма... «должна дать вам понятие, что крупный риск для вас возможен»—о каком риске идет речь, ясно из последующего текста телеграммы: «Сегодня, утром, губернатор послал приказание арестовать стачечный комитет 17 человек... Два дня нужно выждать».

Этот «риск» был тем более возможен, что накануне произошло следующее. Телеграмма срочная с оплаченной проверкой за подписью Солодилова от 1 апреля свидетельствует, что:

«Сегодня семичасовое совещание Губернатор, прокурор палаты, суда, Орловский, Борзаков, Переломов согласились (нами решено) послать телеграммы от меня Теплану, с копиями жандармскому офицеру, которому теперь подчинены исправники и Тульчинскому, от Губернатора жандармскому офицеру. Сообщите, разрешается ли следующее содержание моей телеграммы Теплану. (Далее следует телеграмма Теплану). По получении вашего согласия будет выработана вместе жандармским полковником и двумя прокурорами телеграмма Губернатора, в которой он, однако, предпоставит принять к руководству мою телеграмму, арестовать зачинщиков и выселять нежелающих работать. Солодилов».

Инструмент власти был настроен и дальше все отливается в стройный аккорд, заверченный залпами 4-го апреля.

Дело было сделано. Все было пущено в ход.

Жандарм Познанский, начальник жандармского Иркутского управления, в своей телеграмме от 31 марта говорит: «Приобрел агентуру, заявление которых (провокаторов-осведомителей) значительное количество рабочих при желании не могут стать работать, боясь насилий комитета».

Балтыш, войдя во вкус дела, со своей стороны, подстегивает рвение Трещенкова «в случае арестования, действуйте без шума»... «в случае нарушения мирного хода забастовки, подавляйте всеми мерами, до воинской силы включительно».

Прокурор Преображенский объявляет рабочим, что он не будет принимать коллективных заявлений рабочих и предлагает это делать каждому от себя, явно провоцируя рабочих на хождение их массой к нему.

Офицер Санжаренко за несколько дней до 4 апреля, разгоня собрания рабочих, выразил сожаление, что «не пришлось руки погреть», а юристконсульт «Лензото» Иванов «в частных домах и магазинах убеждает публику, что если для острастки уложить человек 50 рабочих—выйдут обязательно на работу».

Все, что могло быть употреблено, как провокационное средство, было пущено в ход в Питере, в Иркутске, на приисках.

Против рабочих создан согласованно действующий фронт врагов, твердо убежденных, что «рискнуть» можно.

И они рискнули.

В ночь на 4-е апреля Трещенков арестовывает выборных, и дальнейший ход событий принимает следующий оборот.

Попы Благовещенской приисковой церкви вели летопись своей церкви и, начиная от 29 числа, записали в летописи всю стачку, сохранив нам драгоценный документ истории стачки. И вот, как летопись рисует события знаменательного дня 4-го апреля:

«4-го апреля в 7 часов утра возбужденная толпа рабочих с 3-х приисков явилась на Успенский прииск к окружному инженеру г. Тульчинскому, требуя немедленного освобождения выборных, которые были избраны по предложению горного надзора. Окружной инженер Тульчинский разъяснил, что арест произведен не по его распоряжению и успокоил толпу, обещав сейчас же поехать к товарищу прокурора и начальнику полиции, которые живут на Надеждинском прииске. Рабочие заявили г. Тульчинскому, что, если их требование об освобождении товарищей не будет исполнено, то они направятся в г. Бодайбо для освобождения арестованных. Действительно, вся масса рабочих двинулась на другие прииски, чтоб собрать побольше товарищей. Толпа рабочих посетила Пророко-Ильинский и Александровский прииски. В общем собралось 350 рабочих, которые решили не идти в Бодайбо, а обратиться прежде с просьбой к г. товарищу прокурора об освобождении арестованных. Кроме того, зная, что прошение скопом подавать нельзя и, чтобы подчеркнуть прокурору все неудобство для него же самого отсутствия выборных, толпа решила, чтобы каждый рабочий в отдельности подал ему прошение о претензиях к Ленскому т-ву. Это прошение привело всю толпу в самое благодушное настроение. Раздались шутки,

прибаутки. Сочинялись сценки, как схватится за голову товарищ прокурора, вынужденный принять в отдельности, непрерывно 3½ тысячи прошений».

Вот та «сознательная» записка, как названы были эти прошения прокурору:

«Его Высочеству Господину Товарищу Прокурору Иркутского Окружного Суда.

Рабочий Феодосиевского прииска
Павел Паныстев.

Заявление.

Я, рабочий Л.-З. т-ва, сознательно прекратил работу. Насильственных мер и подстрекательств во время забастовки со стороны рабочих не было. И мы продолжаем забастовку в виду нарушения с нами договора Л.-З. т-ва и неудовлетворения наших требований, в том и подписуюсь. Павел Паныстев. 2 апреля 1912 года».

Все, что нужно было готово, и 4-го апреля занесенная над головой рабочих рука опустилась.

Вот, как это произошло. Мы берем наиболее проверенный документ:

«Описание событий 4-го апреля на Феодосиевском прииске, составленное по рассказам 135 рабочих и ими подтвержденное. На Вербной неделе, в пятницу, на Загадьях приехал исправник Галкин с ротой солдат, оценив казарму, где жили рабочие, о которых состоялось решение мирового судьи о выселении. Рабочие, когда их увидели, вышли все и из других казарм и пошли на новую Мую. Тут тоже вышли все и пошли вместе, думая, что если выселять, то всех, так как все одинаково виноваты. Куда шли — сами не знали. Может быть, и до Бодайбо бы дошли. Пошел весь прииск. Галкин ехал сзади с солдатами, потом мы их пропустили вперед, крича друг другу, чтобы давали дорогу. Около Надеждинского прииска, не доходя до Народного дома сажен за 70, солдаты вышли из саен и выстроились поперек дороги. Мы тоже остановились. Солдаты взяли ружья на изготовку. Мы все присели. Потом их отвели в сторону, а Галкин подошел к нам, спрашивает: «куда вы идете». — «Раз вы выселяете, — мы отвечаем, — мы все идем. Тогда всех и отправляйте, а с женами и детьми, что хотите делайте». — «Я только исполняю решение мирового судьи, как судебный пристав». Мы потребовали тогда мирового судью. Хитун пришел и говорит: «И здесь шесть лет. Скажите, кого из вас я осудил неправильно. Я не стою за руку сильного, все делал по закону». — «Ну, покажите закон». Он с одним выборным поехал в камеру и показал закон. Оба вернулись, и Хитун говорит: «Вот помните его, я его не арестовал». Исправник обещал нам больше не выселять, а судьи никого так не судить. Тут появилась толпа со стороны Александровского, два завода пошли к ним навстречу, остановились около моста и опять взяли на изготовку. Расстояние между нами и александровцами было сажен

200. Постояв так немного, мы и александровцы разошлись по домам. Потом после пасхи выборные ходили к товарищу прокурора с заявлением от рабочих о нарушении договора ленцами и всех их поступках. Выборные передавали нам, что в разговоре он назвал их агитаторами. Когда те стали отрицать это, он заявил, что их заявления мало, а чтобы сам народ подтвердил, что они не агитаторы, а только выборные. Узнав это, все рабочие стали писать «сознательные записки». Все время забастовки паек семейным давали такой же, как холостым, потом выборных арестовали и расчета не давали. 4-го апреля, утром, часов в десять, мы, все феоосневы, со всех станков пошли к конторе просить увеличить паек женатым, дать расчет и хотели узнать об арестованных выборных. Об их аресте мы узнали очень скоро. Когда мы пошли к конторе, там никого не было из служащих, хотя обыкновенно в это время там занимались. Спрашиваем: «Где управляющий?».—«Уехал куда-то». Тут приехал урядник Тихонов со стражниками, стал около и говорит: «Расходиесь». **Стражников было человек 20. Вскоре им откуда-то привезли ружья и роздали.** Долго мы просили кого-нибудь позвать. При нас инженер Барминский, становой Лопатин и обходной увозили свои семьи. Вскоре после нашего прихода приехали со стороны Надеждинского на поезде солдаты. Солдаты остановились у моста, а Трещенков подехал к нам и издала закричал: «Расходиесь, сволочь, а то стрелять буду». Мы ему ничего не ответили. Он вернулся к солдатам и выставил их в линию лицом к конторе. Солдаты стали пристреливаться: брали на изготовку и стоя, и с колена, спускались с полотна вниз, рожок играл, но была буря и было плохо слышно. Они стояли далеко, пожалуй, за версту. Наконец, приехал Самохвалов. Мы его спрашиваем: «Где же нам расчет дадут?».—«Идите,—говорит,—на Надеждинский, там вас скоро рассчитают».—«Мы занимались на Феоосневском прииске, а не там, здесь нам и платите, вот и солдаты стоят, еще расстреляют».—«Ну, может быть, расстреляют, а может быть, и нет». (Еще до него нас на Надеждинский прииск посылал урядник Тихонов и также говорил о стрельбе). Тогда мы обратились к Самохвалову с вопросом: «Зачем вы арестовали выборных?». Он ответил: «Не я арестовал, а ваш защитник, Тульчинский; он ходил ночью с фонарем и показывал ваших выборных». Мы потребовали, чтобы к нам вызвали Тульчинского. Самохвалов пошел на телефон, а мы с ним послали своего человека прислушаться. Самохвалов уехал, сказал, что придет Тульчинский; тот приехал вскоре. По дороге подъезжал к солдатам, что-то говорил. Солдаты вскоре ушли. Подъехав к нам, он снял фуражку, мы ему не ответили: так были озлоблены словами Самохвалова. Он смутился и говорит: «Вы видите, я команду убрал». Тут ему закричали со всех сторон: «Что нам солдаты, вы у нас выборных арестовали».—«Кто вам это сказал?—Сказал Самохвалов, что вы ходили с фонарем светили».—«Я не арестовывал, там не был, ничего не знал, только утром об аресте узнал». А мы ему говорим: «Мы вас ждали, как защитника, как бога, а вы арестовали выборных». Он продолжал отрицать; тогда мы предложили вызвать Самохвалова на очную ставку, но Тульчинский отказался, говоря: «Самохвалов может про меня, что угодно, сказать, так как я его часто штрафовал». Тут мы ему стали заявлять свои претензии

по кухне, по расчету; он заявил, что завтра будет объявление, что будут выдавать паек для всех, а расчет можем получать с завтрашнего дня. «А как же выборные?»,—спрашиваем. «Дайте срок, пошлю телеграмму губернатору. Вот андреевцы согласились ждать до завтра трех часов дня». Мы дали ему времени только до 9 часов утра, так как за толпу не отвечали. Из толпы говорили: «Если не будет ничего, то завтра, может быть, пойдут и на Бодайбо». Тульчинский уехал, дав честное слово, что к девяти часам утра ответит, освободят ли выборных и кто по какой статье их арестовал. После его отъезда и мы разошлись по домам. Перед уходом мы послали двух товарищей к александровцам сказать, что наше собрание решило ждать до 9 час. утра следующего дня. Но, как оказалось потом, те не успели прийти. После обеда, часа полтора спустя, на Новой Мусе бывшие на улице вбежали в казармы и кричат: «У Надеждинского в кого-то стреляют, но рабочие ли идут». Все сразу выскочили и пошли по дамбе и по тракту к Надеждинскому прииску. Стрельба скоро кончилась и, подходя к Мало-Александровским казармам, нам стало уже известно, что рабочие с Нижних приисков шли на Надеждинский и в них стреляли. До 4-го апреля было развешено объявление о том, чтобы не мешать новым рабочим, но о стрельбе ничего не говорилось. **Объявление о том, чтобы не собираться толпой и о стрельбе было развешено у нас на всех приисках только пятого апреля. До этого времени нас и на словах никто не предупреждал.**

А вот описание самой картины расстрела по словам очевидца, выборного Д. С.:

«Все согласился пойти к товарищу прокурора с жалобой на все обиды и с просьбой увеличить женатым паек и на словах хотели выяснить об арестованных «Сознательные записки» к товарищу прокурора у многих были. Я шел в первом ряду. Когда мы шли около отвала (справа дороги), офицер скомандовал и сыграли сбор. Шли мы медленно в роде «разгулки», вижу по полотну быстро идет Тульчинский. Повернул по Надеждинской дороге к нам, встретил нас у перекрестка. В это время, после сигнала, из Народного дома выскочили солдаты и пошли линией от входа в Народный дом до полотна. Мы стояли с Тульчинским против второго забора по Надеждинской дороге за канавой. Нас окружал народ. Тульчинский поздоровался и спросил: «Скажите, братцы, куда вы идете?». Я отвечаю: «Идем к товарищу прокурора с жалобой на обиды Ленского т-ва и полиции. Только мы хотим, Константин Николаевич, сойтись с феоосневыми, чтобы вместе идти, а дорога перегорожена. А зачем это солдаты? Стрелять будут?».—«Нет, братцы, стрелять не будут,—только к солдатам не ходите». Я и говорю: «Мы этого и не думаем, а так как нет прохода, мы и одни к товарищу прокурора пойдем».—«Нет, не ходите к солдатам, а вот идите тут, через механическую к Феоосневскому». А я говорю: «Нет, пусть в нас не стреляют, мы по этому свертку пойдем прямо к товарищу прокурора». Тут он спрашивает: «Зачем вы к товарищу прокурора идете, с какой просьбой? Я говорю: «Мы по моему вам этого сказать, ведь, вы сами с нами отказались переговоры вести, ведь, вы от этих слов не откажетесь».—«Я хочу знать, братцы, вашу просьбу». Мы ему тогда расска-

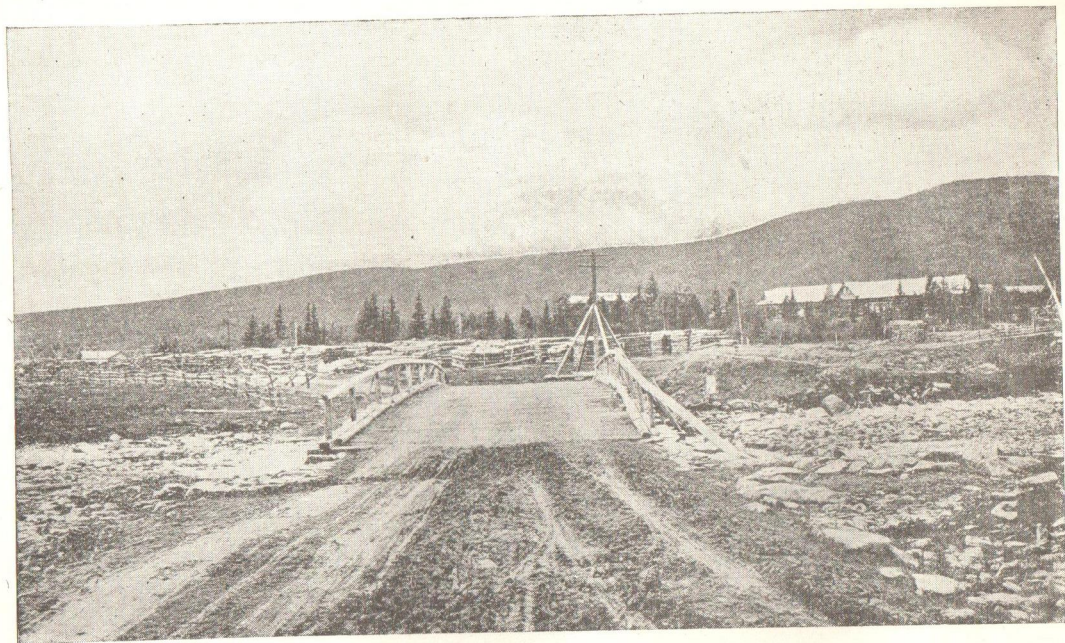
зали. Он нам ответил: «Я сейчас был на Феодосиевском приiske, рабочие согласились там на мое предложение, что я им к 9 часам завтра представлю на глаза арестованных». — «Почему же завтра, а не сегодня; мы уже тридцать верст шли — голодные. Мы лучше подождем». — «А, братцы, скажите мне, если с вашей стороны погрома и насилий не будет, то я и сегодня представлю». Я говорю: «Помните, как вы у себя говорили, что, как ехали сюда, боялись, что здесь беспорядки, а увидев нас, — успокоились: так все спокойно и пьяных нет. Зачем же вы теперь так говорите?» — «Освободите нам путь к товарищу прокурору — мы тут и пройдем». Вот в этот момент и был залп. Стояли и они, и мы к солдатам в полуоборот. Тульчинский тут закричал: «Что вы делаете?», а я кричу: «Ребята, ложись». Тульчинский тоже лег и кричит: «Перестаньте стрелять, что вы делаете, варвары?», а сам плачет, левой рукой машет фуражкой. Мы лежали с ним голова с головой, а ноги у него к Надеждинскому, а у меня к Александровскому тракту. Потом он стал на колени, опять махал фуражкой и платком. Я приподнялся, сейчас же пуля в рукав пиджака. Видел, что солдаты стреляли и снова заряжали, перед ними лежали патроны. Как кончилась стрельба, мы вскочили, а кругом, кто полз, кто сидел, кто лежал без движения. Стоя стояли... кричат... «Погибаю, прощайте, братцы». Во время разговора с Тульчинским, кто сидел на таборах, кто на городбе, так тут их и захватывали пули. Никто специально Тульчинского не охранял, один товарищ полз ему через ноги, и тут его убило. Мне или кому-либо другому он свою фуражку не давал. Вот, когда вскочили, мы хотели у него личную подпись взять, что был с нами, но он не мог писать, к карману руку тянет и весь трясется, а тут ротмистр кричит: «Расходись, а то опять стрелять буду» — так и бросили. Во время стрельбы три человека за фалды Тульчинского держали (Ф., П., потом я), так как думали, что, если он убежит, нас тогда переколют или перестреляют всех. Кто знает, что у них было на уме. Прямо с места я побежал на Феодосиевский прииск, т. к. видно было бегущих оттуда, и мы боялись, чтобы они жертву не принесли».

И более всего интересна краткая четкая картина, нарисованная рабочим К., раненым во время событий, ему удалось наблюдать движения ротмистра в момент перед расстрелом:

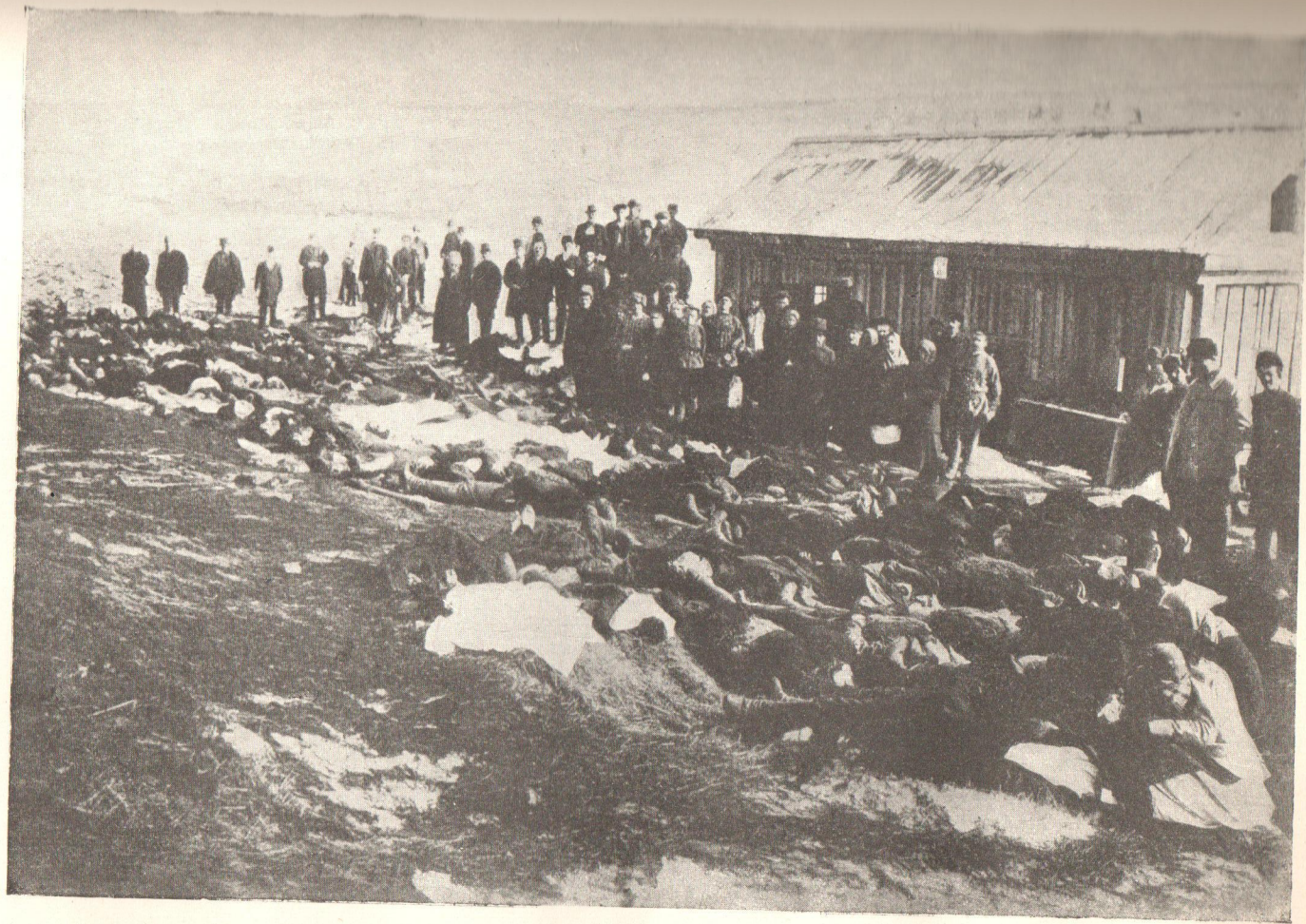
«4-й год работаю горняком на Александровском. Шел я впереди. Перед мною было еще человек 60. Тьма стала заворачивать к Тульчинскому. Тогда я был у первого табора. Видел, как ротмистр ходил взад вперед сажени на три по линии железной дороги, от солдат в направлении к нам и обратно, другой офицер стоял в стороне сзади солдат. Вдруг Трещенков, когда я шел к солдатам, руками махнул (вот так делает обеими руками жест, вроде дирижерского, не подымая рук) — и началась стрельба, я бросился на землю и лежал лицом вниз».

И вот результат, как его рисует летописец Благовещенской церкви:

«В котловине в беспорядочном виде навалены груды убитых. У некоторых на лице выражено беспредельное страдание; много обезображенных от пуль. Кру-

Место расстрела.

После расстрела.

она окружала толпа родственников; жены убитых, перешагивая через трупы, в толпе находили своих мужей, дети—отцов, кидались, как безумные, стона и вопя в своем неожиданном горе и беспомощности. Картина, воистину душу раздирающая. Ужас, царивший на этом месте, кажется, проникал в самые тайники души человеческой. Хотелось плакать, рыдать, хотелось сделать чудо, чтоб сколько-нибудь помочь в постигшем горе несчастных сирот».

Жажда крови жандарма была удовлетворена. Лондонская биржа и акционеры могли быть спокойны за свои дивиденды. Ради них: «Лензото», Министерство, жандармерия, прискоковая администрация не остановились перед тем, чтобы решить дело 4-го апреля.

Но, сделав это кровавое дело, его нужно было оправдать в глазах русского общественного мнения. И последующие события и факты рисуют изумительную непроходимую бездну подлости, нахальства, трусости, лжи, на которые было способно только царское самодержавие и его верноподданные цепные псы всех рангов и чинов.

РАЗВИТИЕ СОБЫТИЙ ПОСЛЕ 4-го АПРЕЛЯ.

Немедленно после расстрела Трещенков и его сподвижники Хитун и Преображенский подготавливают почву для грандиозной клеветы на павших от их руки рабочих.

Вот, как рисует сцену расстрела Трещенков:

«Доносу, ночью был ликвидирован стачечный комитет, причем разделились на два отряда, один под моим начальством, другой исправника, причем последнему было оказано сопротивление, и он не окончил бы скоро. Всего арестовано десять, все привлечены к следствию по 125 ст. В семь утра толпа, около тысячи человек, собралась к Тульчинскому, требуя освобождения арестованных и немедленного расчета, после чего во всем прискоковом районе собрались рабочие, требуя выдачи немедленного расчета, держали себя крайне вызывающе, обещая силой освободить арестованных из Бодайбинской тюрьмы. На предложение мое разойтись рабочие Феодосиевского прииска отказались. Около 5 часов рабочие Андреевского, Александровского, Угесистого, Васильевского, Прокосьевского приисков, около 4.000, **вооруженные палками, камнями, железными прутьями**, двинулись на соединение с рабочими Феодосиевского прииска. На требование мое остановиться, наступали на войсковую команду и дошли на расстояние ста шестидесяти шагов, после чего я вынужден был, **в присутствии товарища прокурора и судьи**, передать власть начальнику команды, который открыл огонь по толпе. После первого залпа толпа с криками ура хотела броситься на войска, но огонь команды обратил ее в бегство. Убито 107, ранено 83, но есть еще раненые, которых унесла толпа. Прошу об **объявлении прискокового района на военном положении, об экстренной высылке войск**».

Ему вторит начальник войсковой команды Лепин, открывший огонь:

«Сегодня, 4—IV, около 5 час. пополудни, были вызваны войска для задержания вооруженной толпы, с фронта более 3.000, и тыла—более 2.000. Толпа

двинулась на войска, на требование остановиться, последовали бурные протесты. В виду особо крайне угрожающего положения, полиция передала полномочия. **После троекратного сигнала на рожке, толпа энергично двинулась на войска, с целью обезоружить**, положение заставило прибегнуть к употреблению оружия на расстоянии 160 шагов. Убито 107, ранено 83, войска не пострадали, 8, Ленин».

Прокурор Преображенский докладывает с предположением о политическом влиянии главарей:

«Настроение толпы четвертого, очевидно, под влиянием ускользнувших от ареста главарей Баташева, Попова, стало грозным. Против Феодосиевского прииска, где арестов и не было, с 7 до 2 дня стояла вызванная команда, ежеминутно ожидая беспорядков собравшейся толпы. Служащие прииска были предупреждены и вывезены жандармским ротмистром Трещенковым. Уговоры Трещенкова и приехавшего затем окружного инженера Тульчинского были тщетны. Главным требованием было немедленное освобождение десяти арестованных, с угрозами полиции расправиться иначе силой. Команду отвели назад, на Надеждинский прииск, так как толпа в наступление не переходила. Около трех часов дня стало известно, что со стороны Бодайбо на соединение с Феодосиевскими двинулись рабочие разных приисков, свыше 3.000. Трещенков приказал толпе через урядника на Александровском прииске остановиться, толпа все-таки дошла до Надеждинского, где главная контора и расположена команда. От выстроенной в боевом порядке команды отделился Тульчинский, бросился к толпе с уговорами. Поданы были сигналы трубой. Толпа остановилась, на несколько мгновений, окружила Тульчинского, но тотчас с криком двинулась вперед. Положение было столь опасным, что еще минута—войска были бы сбиты. Солдаты, всего сто десять человек, без резерва, волновались, требуя распорядиться стрелять, без натиска. **Тульчинский остался под выстрелами, силою удержанный рабочими**. Стражник Киптов, бросившийся еще раньше уговорить толпу остановиться, также задержан ею и легко ранен в ногу. **После первого залпа толпа легла, но тотчас же вскочила и с криком ура бросилась не в сторону, а к солдатам**. Даны еще три залпа, остановившие наступление, однако, рабочие сразу не разошлись, но отступали, не давая возможности подобрать пострадавших. Сейчас же в тылу, меньше версты, собрались Феодосиевские. Не подходя близко, прицелили двух, требуя Трещенкова и Тульчинского для переговоров, но по требованию Трещенкова все вернулись на Феодосиевский прииск. **На месте толпа оставила принесенные кирпичи, колья, палки**».

Причем свое донесение Преображенский скрепляет утверждением, что он «был всему очевидцем» и подчеркивает, что «ходит слухи о замышляемом ночном нападении на казарму, порче и поджогах приисков». А прокурор палаты Е. Нимандер подчеркивает, что: «товарищ прокурора признает общее положение опасным. Безнаказанность приучила рабочих к своеволнию, с каждым днем претензии их росли. Считая себя и будучи фактически хозяевами положения, рабочие диктовали свою волю администрации и «Лензоту», при переговорах оскорбляли представителей правительственной власти. Преображенский считает требование об освобождении лишь

предлогом, ускорившим активное выступление толпы, столпотворение было вопросом времени. Готовившиеся соединенные массы отдали бы толпе всю полноту власти и создали бы допущенную представителями правительства анархию, теперь тихо. Добавлю, наступившая распутица отрезывает Бодайбо до половины мая».

Но более всего характерно, что Тульчинский, пользовавшийся доверием рабочих и сам лежавший под выстрелами, доносит горному начальнику:

«Несмотря на предупреждение и сделанные сигналы, толпа, вооруженная колыями, кирпичами, камнями, угрожающе надвигалась на войска, которые дали несколько залпов. Убито 107, ранено 83. Присоединюсь к ходатайству ротмистра Трещенкова об объявлении приискового района на военном положении и экстренной высылке войск; по Витиму дорога простоят до 20-го апреля, Левой войска могут проследовать почтой, тропой. 4-го апреля 11 ч. вечера, № 360, Тульчинский».

А на основании всех донесений Бантыш 10/IV* передает донесение Трещенкова, скрепляя его своими соображениями: «Следствием по 123 ст. Угол. Улож. устанавливается, что цель скопища 4/IV была захватить оружие, солдат, сбить их и разгромить все на приисках». Бантыш предписывает Трещенкову убыстрить арест скрывшихся членов стачечного комитета Баташева и еще 8 человек, ибо он предвидит «осадок» (падение) энергии должностных лиц», присутствовавших при катастрофе. Но арест затруднялся, помимо ожидания возмущения, еще чисто тактическими соображениями: «арестование всех остальных фактически невозможно на отсутствии воинской силы и мест заключения (Бодайбинская тюрьма рассчитана на 40, содержит 173)». Характерная подробность.

Тем не менее, Трещенков идет по пути «изъятий», «пока задержан,—доносит он,—видный агитатор Попов... раненый и находящийся в больнице».

Все стремления Бантыша идут по линии использования донесений должностных лиц для эластичной развязки всего дела, опираясь на данные о нападении и т. п.

Чрезвычайно характерна телеграмма от министра внутренних дел Макарова, которую приводим полностью:

«Пркутск. Губернатору. Из Петербурга, № 14536. Принята 10/IV*, 1912 г., на номер 34. Одновременно с сим, департаментом полиции по моему поручению предложено полковнику Познанскому никаких непосредственных указаний ротмистру Трещенкову по делу «Лензот» не давать без ведома вашего превосходительства. Вместе с тем, прошу ваше превосходительство иметь в виду, что все дальнейшие распоряжения ваши по этому делу должны отличаться надлежащей твердостью и совершенной определенностью, недопускающей никаких колебаний; ожидаю от вас также дальнейших сообщений о ходе забастовки и принимаемых вами мерах. Министр внутренних дел Макаров».

«Мавр сделал свое дело—мавр может уходить».

Департамент полиции уклоняется от руководящей роли в стачке и с готовностью возлагает все на Бантыша.

Как будто дело стоит, что называется, «на мази».

Все чины и власти сходятся в своих показаниях, хотя, по словам Бантыша: «в донесениях этих нельзя не заметить некоторые непоследовательности», их, конечно, можно превратить в «последовательность». Иркутский губернатор был опытный человек, тем более, что следствие вели... мировой судья Хитун и прокурор Преображенский, присутствовавшие при расстреле. Они-ли не смогли выравнять «непоследовательность». Но 13-го апреля, через 9 дней после расстрела, совершенно неожиданно и уже совершенно, с точки зрения Бантыша и его клеветников, «непоследовательно» Тульчинский шлет Иркутскому губернатору через начальника горного округа следующую телеграмму:

«Насколько хватал мой взгляд, я видел, безусловно, невооруженную толпу. Мною не было констатировано оставление толпой кольев, кирпичей и прочего, так как никто из судебных властей не вызывал меня на место катастрофы, но после послышки телеграммы № 360 я, по собственному почину, на следующий день осмотрел в Народном доме сравнительно ничтожное количество указанных предметов, которое было собрано, по словам Трещенкова, на месте катастрофы. Телеграмма № 360 составлялась в тот же вечер, совместно со всеми чинами администрации, фраза «вооруженной толпе» была включена мною на основании утверждения Трещенкова. Стрельба была не залпами, а пачками. При первых выстрелах голова толпы сразу прилетела на землю, прилет и я. Во время перерыва, между первой стрельбой и второй, я успел приветать среди лежащих на колени, начал махать фуражкой, кричать о прекращении огня. В этот момент бегущих впереди не видел, криков «ура» вообще не слышал. После открытия вновь огня, снова прилег, оставаясь в таком положении до полного прекращения стрельбы».

Дальше в телеграмме следуют указания, что агрессивности рабочих не было и до расстрела и что:

«Неминуемость катастрофы мне не представляется обязательной, необходимо было принять возможные меры: задержать идущую толпу, убедиться в ее намерениях ранее схода ее на Надеждинскую станцию и тогда же предупредить о грозящей ей смертельной опасности».

Откуда такая непоследовательность?

Когда был прав Тульчинский: в первой телеграмме от 4-го или в последней, от 13/IV.

Ответом на это служат показания участников события—чинов власти—чиновнику особых поручений при Иркутском губернаторе Майнгу, ведущему первое следствие по поручению Бантыша, и среди них—показания Тульчинского, рисующие его с крайне невыгодной, в смысле выдержанности, стороны, но и делающие ему честь, что остаться при первоначальной лжи он не захотел.

Вот, что записывает Майнг со слов Тульчинского:

«Из рабочих, безусловно, никто вооружен не был; я не ожидал, что стрелять будут так скоро. Толпа была в дефиле и безопасна».

После окончания стрельбы на меня нашел какой-то животный страх, все ожидали, что ночью толпа придет громить; я не отходил от солдат и Трещенкова, делал все, что мне говорили, я посылал свою телеграмму сообщая со всеми, когда написал, что были вооружены палками—потому, что Трещенков сказал, что нашли там два воза. Следующие два дня я попал было под влияние Трещенкова. Он меня никуда одного не отпускал. Подумал, что, если провидение оставило меня живым, то не для того, чтобы я скрыл истину, и выехал из Надеждинского прииска. У меня есть сведения, что полиция запрещала после этого являться рабочим ко мне и давать показания. Теперь все в подавленном состоянии и страхе».

Этим показаниями фронт непоследовательной последовательности или последовательной непоследовательности был прорван. Тульчинский сразу испортил налаживавшуюся музыку обработки событий в желательном властям духе. И все следствие Майнгу рисует удивительно полную и сочную картину того, как выкручивались «чины» всех рангов и видов из своего положения, ими самими созданного.

Вот показание исправника Галкина, по-полицейски сухая, формально краткая и четко данная характеристика событий:

«Настроение рабочих было во все время забастовки самое мирное, причиной забастовки первых 900 человек было дурное мясо—конина. Мне даже рабочие принесли напоказ конские половые органы, попавшие им в пищу; так как рабочие большей частью здесь темные, то увидели в этом осквернение и оскорбление в религиозных чувствах. Отношение к рабочим, как Трещенкова, так и офицеров, было все время вызывающее. Так, 19-го марта, когда было собрание рабочих, аналогичное движению 4-го апреля, и была вызвана воинская команда, я ездил от одной толпы к другой, уговаривая их разойтись; угроз со стороны рабочих не было. Разговаривая с толпой, я заметил, что она вдруг вся легла; обернувшись назад, я увидел, что солдаты держат винтовки на изготовке; я под'ехал к офицеру и попросил отставить. Вечером, когда все успокоилось и рабочие разошлись, я проезжал мимо офицера Санжеренко, который спросил: «Что, этим все кончилось? Жаль, но пришлось даже рук погреть». Трещенков, когда приехал, сказал: «Я имею указание губернатора подавлять забастовку силою оружия». Вообще с рабочими держит себя грубо, иначе, как «шваль», «дрянь»—о них не говорит. Столутся он у Тепшана».

Тов. прокурора Преображенский, который по первому своему донесению «был всему очевидцем», вразрез с первым показанием, говорит следующее:

«Палок и вообще оружия в руках рабочих не было. После первого залпа бросались на войска, крики «ура» не слышал, но вообще кричали; найденные заявления считает нарочно приготовленными заранее для оправдания. На мой вопрос, кричал ли Хитун солдатам: «Довольно»,—сказал: как-то, мы все кричали, кричал ли и сам, не помню, так как был очень возбужден. По отступающим не стре-

лили, но некоторые рабочие укрывались за штабелями леса. Трещенков, действительно, решил направить рабочих другой дорогой в то время, когда хвост колонны уже миновал эту дорогу; считая, что в этом случае Трещенков растерялся; мнение Преображенского, что соединения допустить было невозможно.

Но и здесь почтенный прокурор снова лжет, как лгал и в первом донесении: «бросились на войска» и «по отступающим не стреляли».

А офицер Санжаренко, командовавший 4-го апреля, дает ценнейшие показания, а именно:

«Галкин приучил рабочих не бояться воинской команды. 19-го марта было более критическое положение, он свел массы рабочих так, что команда была окружена; если бы последние захотели, мы бы не успели дать и одного залпа, как были бы сняты, и он раз'езжал от одной группы к другой. Только благодаря энергичному Трещенкову, четвертое кончилось благополучно для команды. **Солдаты буквально всю ночь и весь этот день были заняты, никто не прилег ни на минуту, до стрельбы вышли—только успели зарядить винтовки, были раздражены; стрельба потом шла не залпами, заряжали ружья и огонь направляли произвольно, так как было не до этого. Тульчинский—это наш злой гений.**

Здесь и обвинение Галкина, и ценнейшее признание, что солдаты были подготовлены, взвинчены предшествовавшими арестами и бессонными ночами.

Но самые сокрушительные удары по первоначально сплетенной Хитуну и Преображенским сети следствия наносят: Бодайбинский мировой судья Рейн и... сам ротмистр Трещенков, сажая в неприятную лужу свое непосредственное начальство—Департамент полиции.

Вот честное, ясное показание Рейна:

«Прежде, чем говорить о 4 апреле, охарактеризую отношение и состав присутствовавшей власти. Трещенков, приехав сюда, все время говорил: «Ну, какая это забастовка,—я не с такими справлялся. Эту всю шваль я быстро призову к порядку». Начальник команды, подвизавшийся в Р., рассказывал о своих подвигах в Якутске; говорил, что здесь без кровопускания не обойдется. Санжаренко рассказывал о своих расстрелах в Варшаве. Инженер Александров обещал показать на следствии, что слышал, как Теппан говорил, что деятельность Л.З.Т. настолько важна для государства, что можно уложить для спасения дела человек шестьдесят. Самый арест и обыски стачечного комитета на меня произвели тяжелое впечатление. Мы явились в казармы ночью, в сопровождении солдат; проснувшиеся рабочие держали себя мирно, но все говорили: «Зачем приходите ночью с солдатами? Почему не прислали повесток? Мы сами бы пришли. До сих пор всегда приходили, скрыться нам отсюда все равно некуда». У некоторых арестованных были доверенности от рабочих, уполномочивающие вести переговоры. На расстрел толпы 4-го апреля смотрю, как на ужасное недоразумение,—все растерялось, были в панике, не вывели совершенно намерения толпы; стрельба была беспорядочная, пачата

на 180 шагов, что уже установлено. Хорошо, что в сфере огня была только часть толпы, иначе жертв было бы много больше. В том виде, как она была, толпа не могла быть опасной, так как была в дефиле,—впереди был мост. Рабочие шли, чтобы подать заявления товарищу прокурора: им объявили, что коллективные заявления принимать не будут. Толпа не была вооружена, после первого залпа бросались напереди лежащими, продолжали стрелять по отходящим. При осмотре раненых, 50% ран—сзади, по характеру сделаны в лежащем положении, необходимо для следствия осмотреть трупы. Очень трудно вести следствие. **Я хорошо понимаю, что товарищу прокурора Преображенскому, Хитуну и Трещенкову надо создать обвинительный материал—иначе их положение ужасное, а потому они, пользуясь слушателями «Лензото», громоздят его кучами.** Ненормально, что приходится вести следствие под наблюдением товарища прокурора Преображенского, лица заинтересованного. Трещенков, под предлогом, что он отвечает за жизнь каждого, присутствует при допросах и осмотрах раненых, что стесняет нормальное течение следствия, так как его боятся. Настроение рабочих в высшей степени подавленное. Из вещественных доказательств доставлено 51 деревянных палки (безусловно, обломки изгороди), 19 ломаных кирпичей (Тульчинский, ранее приезжая, видел эти кирпичи). **Версия, что толпой было решено напасть на войска, не выдерживает критики.** Не шли бы с голыми руками, имели возможность взять оружие, у многих оно имеется; захватили бы динамит, могли бы напасть на войска ночью».

Здесь фокус событий, ослепительный луч прожектора, освещающий триумvirат Трещенков—Хитун—Преображенский и других участников с их блестящими характеристиками.

Теппан, определивший минимум, который можно «уложить» в интересах «Лензото», Трещенков: «шваль, я не с такими справлялся», начальник команды с его былыми подвигами в Якутске, Санжаренко, покрывший себя «славой» расстрелов в Варшаве, Преображенский, спровоцировавший рабочих на подачу индивидуальных записок.

Классически-густопсовый подбор.

Бульдози чистых кровей, с мертвой хваткой.

Эти показания завершаются показаниями героя событий Трещенкова:

«Я сделал все, что мог, чтобы спасти команду и не допустить разгрома. Единственно, чего не могу себе простить, это, что не арестовали до сих пор Тульчинского; в этом со мной согласны все власти. Благодаря его разговорам с рабочими, последние обнаглели; он хотел даже, чтоб мы все выдали удостоверение рабочим, что Товарищество нарушило условие с ними, что они могут предъявить иск. Команда всю ночь, до шести была занята с нами арестом комитета, который прошел совершенно спокойно. **Тульчинский—это злой гений.** Арест стачечного комитета я приказал бы, если бы и не получил телеграммы от губернатора, так как имел предписание от Департамента полиции немедленно ликвидировать стачечный комитет; я, как жандармский офицер (хотя и пазна-

ченый губернатором начальником полиции), не выхожу из подчинения своего прямого начальства».

Ценное признание, за которое Департамент полиции не поблагодарил Трещенкова.

И в заключение своих показаний, этот классический подлец с бесподобным нахальством заявляет:

«Считаю виновными во всем случившемся двух лиц: Галкина, который ввел губернатора в заблуждение донесениями, что все спокойно, и не принимал активных мер, и Тульчинского, который своими разговорами развратил рабочих; он дошел до того, что послал телеграмму о том, что войска вышли из повиновения».

И пытается пророчествовать:

«Теперь все спокойно, меня боятся, как огня, но Тульчинский уверил рабочих, что генерал-губернатор придет и выслушает жалобы рабочих. Я уверен, что тогда произойдет такой же случай: рабочие все двинутся к генерал-губернатору, с толпой разговаривать не будут, и тогда придется опять употреблять оружие, а потому, во избежание, надо во что бы то ни стало эвакуировать рабочих до приезда генерал-губернатора».

Версия о вооруженной толпе была разбита. Нужно было принять меры иного порядка.

До приезда губернатора эвакуировать рабочих, разрядив этим массу, переживших 4-е апреля, заменив их новыми,—вот цель конца показания Трещенкова.

А набор новых рабочих уже шел, и почтенный прокурор очищает «Лензото» пути к проведению этой операции.

4-го мая возбуждает он дело против крестьянина Ивана Прокина, говорившего в казарме новых рабочих, что не следовало им заниматься. «Лензото» мало подсчитывает за работу, раненых сморят голодом, запугивал возможностью мести бастующих».

Но все это мало помогало делу.

В Иркутске заворочались, шило слишком ясно торчало из мешка.

8-го мая Бантыш возбуждает вопрос об отстранении от руководства следствием Преображенского и передаче ведения следствия из рук Хитуна в руки Рейна, кандидата, вряд ли желательного, но другого не было.

Такова картина развития событий после 4-го апреля в сфере действий властей.

Обратимся теперь к тому, как обрисовалось положение дел на основании показаний пострадавших.

РАБОЧИЕ И ИХ НАСТРОЕНИЯ ДО И ПОСЛЕ 4-го АПРЕЛЯ.

Для того, чтобы оценить грандиозную красоту массы и ее действий в этой беспримерной стачке, нужно, хотя немного, знать саму массу, ее быт и условия тяжелой жизни.

Золото, погони за «фартом» в дикой, непроходимой, глухой, умеющей хранить тайну тайге.

Золото, около и ради которого друг, соратник зачастую превращается в врага. Золото, ради которого ничто нечеловеческие усилия, которых требует прихода в борьбе с ней.

Или—или!

Или гибель или богатство. Оно призрак, мираж, но оно здесь в земле, под потоками, там в далекой синеве гор, в долинах рек, в чаще тайги.

Старательство, хищничество, выгодное, но опасное, ремесло спиртопоса,—и тут, и там,—каторжный труд. Или карты, а то винтовка, нож, темная ночь, развалившая удачу, презрение к смерти.

«Душа из тебя вон»,—в этой поговорке сосредоточивается немудреная, но неопытная философия тайги и ее обитателей.

Ваша жизнь дешева для другого, но тем ценнее она для вас. Или вы или он. Борьба одного против другого.

Этим воспитывается глубокий индивидуализм, железная твердость, упорство, сила, какая-то своеобразная гордость сильного зверя.

Страх обрекает на гибель в тайге, и только постоянное напряженное ожидание опасности, без страха, с четким сознанием ее открывает дорогу смелости, силе, вниманию.

«Фарт». И тогда вино рекой, и кутеж, дикий, необузданный, ограниченный только количественными рамками того, что есть в кармане и того, что можно купить.

Но все это крепкие люди, да и впервые попавшие туда невольно выносят, если уходят оттуда, ясное осознание своей силы.

Гибнут, много гибнут. Ну, так что же? Жив я, а остальные?

«Душа из них вон!»

И Теплан хорошо знал, что делал, когда, наряду с арестами, открывал изобилующую подъемным золотом шахту № 46.

Бросить пригоршни золота в толпу, сцепку солидарности разбить золотым молотком.

У него были данные рассчитывать на успех.

Но он ошибся. Не оценил того нового, ему непонятного, что пришло в тайгу.

Да и все слуги «Лензото» недооценили одной силы, силы классового сцепления массы, закаленной долгой покорностью и сознанием необходимости неизбежности решительной борьбы.

Стачка вылилась стихийно.

Но что поражает в ней? При всей разнородности элементов массы, при всех ее отрицательных сторонах: вино, карты, нравы тайги, где женщина, как зверь, отбивается руками и зубами от нападения похотливого администратора, где дети видят жизнь, развернутой полностью, где нет традиций классового воспитания, с первых шагов стачка вливается в узкое жесткое русло железной дисциплины. Эта спайка, удивительно стройное, упорное движение,—у пишущего эти строки аналогизируется с суровым, непреклонным течением скатанного скалами дикого красавца Вытима.

И это не идеализация движения. Мы знаем, что были подводные камни, пучины, извилины в провокации на разложение, мелкие, повседневные, бытовые. Кто пережил, хотя бы одну стачку, тот знает, какое огромное значение имеет в процессе борьбы какой-либо мелкий незначительный факт, отклоняя борьбу в сторону и часто срывая ее.

Тотчас же, как только стали все прииска, сколачивается своеобразная организация сил бастующих.

Вот показания выборного Александровского прииска Ф. Р—ева:

«Между 3 и 5 марта, по предложению кого-то из выборных, кажется, Е., выборные на общем собрании (кажется, это было 5-го) предложили рабочим выбрать старост от каждого № казармы. Предложение это было принято. А затем каждая казарма у себя из своих выбрала этих старост. Старосты каждого прииска собирались с выборными своего прииска для обсуждения всех вопросов, связанных с забастовкой, как лучше провести забастовку. Старосты следили за порядком, за тем, чтобы каждый в казарме исполнял постановления общих собраний, чтобы рабочие не занимались хищничеством, вообще на них лежало наблюдение за внутренним порядком: каждый, отправляющийся из казармы, сообщал им о своем уходе, они собирали собрания, передавали, что говорят в их казармах; если важный вопрос назревал, то выборные собирали всю команду, следили за тем, чтобы не продавалась водка «матерями», не было азартных игр. Старосты на ночь назначали караульных от каждого №. Караульные иногда сменялись, иногда были бессменно, за проверкой над караульными был из среды старост выбран один—старшина, который имел дисциплинарную власть и над караульными и над выборными. Старосты также сообщали, кто из рабочих ходит на работу, кто из жен рабочих ходит к служащим (жены рассказывали служащим о всем, что происходило среди рабочих). К рабочим применялась система убеждения, женам запрещали ходить к служащим, вызывался муж и постановляли, чтобы муж запретил жене ходить к служащим. Старосты же собирали деньги на телеграммы. Одного старосту К. приговорили к 2 р. штрафа за то, что он, вместо 1 р. 70 к., передал 1 р. 50 к. Его же жена ходила к Теплану».

То же подтверждает выборный Х.:

«На последующих собраниях выборных вырабатывались меры, чтобы рабочие вели себя сдержанно, смирно, без отдельных выступлений отдельных рабочих. Были выбраны особые лица для надзора за каждой из казарм, был устроен ночной караул из рабочих, поставлена стража из рабочих для охраны шахт (от хищников)».

И удивительно красивую картину рисует в Летописи поп Благовещенской церкви, характеризуя настроение бастующих в первые дни стачки:

«Собирались ежедневно с 11 часов утра до 6-ти часов вечера на площадку перед магазином, рабочие постепенно вырабатывали ряд требований экономиче-

ского характера. Выступали из них люди, обладающие мало-мальски красноречием, на возвышенное место, откуда, призывая объединиться, просили для пользы их всех и в частности для улучшения быта будущих поколений тайги — бросить употребление спиртных напитков, наложив при этом на каждого из них по 25 р. и плюс хорошую «взбучку», если кто нарушит их обещание. Еще также просили в обращении со всеми быть, насколько возможно, вежливыми и не употреблять бранных слов. Предложили выбрать из среды своих людей, которые могли бы руководить правильною забастовкой и следить за порядком жизни самих рабочих. На все это рабочие согласились, как один человек, и дали клятву выбранным рабочим беспрекословно слушаться, а их самих просили поступать по совести и правде».

А через четыре дня отмечает:

«Забастовка протекает мирно, несмотря на то, что винные магазины не закрыты» и дальше:

«Тихо, спокойно, и лишь недовольство за то, что г. Теплан, помощник главноуправляющего, приказал лишить, вернее, сократить, их продовольствие. Идут толпой на Успенский прииск к г. окружному инженеру Александрову, прося его помощи. Площадь Успенского покрывается народом, кругом тишина и лишь несколько человек, выдвинутые вперед, ведут беседу с г. окружным инженером, а затем в полном порядке уходят по своим домам».

А 25-го марта тот же летописец дает полное освещение жизни казармы:

«После службы причтъ об'езжал по всем казармам рабочих и домам служащих со святым крестом. В номерах везде тишина, мир и спокойствие, нет того шума, разгула, ругани, песен и пьянства, что приходилось видеть обычно в такие дни, словно умерли, такая тишина. При беседах с ними они заявляют: «батюшка, так мирно и хорошо, так согласно и спокойно мы не жили даже и неделю в своей собственной семье, как живем теперь: даже самим не верится». В некоторых номерах встречали нас с хлебом и солью. Преподав им Божье благословение, мы уходили, увещевая выходить их на работу, на что они отвечали: «эх, батюшка, да ежели бы ты знал, как эти антихристы над нами издевались, что мы переносили и молча испытали и по боязни лишиться места не жаловались, а терпели—так ты бы другое стал говорить».

Во все время стачки рабочие зорко охраняют себя от возможности какой-либо провокации на выступление, каковая была желательным оружием в руках администрации «Лензото». Мы приводим два характерных в этом отношении документа:

«Г-ну Окружному Инженеру Олекминского Округа—Горному Исправнику Витимского Округа, рабочих 11-й дистанции Лен. Зол. Тов.

Прошение.

Ставим в известность, что в ночь на 21-е марта сего года на Феодосиевском прииске были произведены выстрелы стражниками и были захвачены несколько

хищников, которых вели не в казачью, а в обратную сторону к померам, так называемые «Сахалин», это обстоятельство в почное время произвело нарушение общественной тишины и порядка. Мы, рабочие 11-й дистанции, сторонники общественного порядка, просим Окружного Инженера заявить исправнику, чтобы арестованные хищники препровождались прямой дорогой в казачью, а не прогонением около помера с револьверными выстрелами и криками. Ожидаем на принятые меры письменного объявления и исполнения по отношению к прекращению подобных беспорядков, внушению полицейским нижним чинам не производить попыток к возбуждению общественных беспорядков и нарушению тишины.

21-го марта 1912 года. Рабочие Ленского Золотопромыш. Товарищества».

И еще более убедительное и колоритное:

«Его Высокоблагородию Господину Окружному Инженеру Витимского Округа бывших рабочих Л. З. Т-ва.

Заявление.

В виду того, что за последнее время полиция и администрация врывается с военной силой в наши казармы и нарушает мирное течение нашей жизни, перепугивая наши семьи, и своими действиями вызывает нас к обострению, которое можем привести к печальным и нежелательным последствиям, мы, бывшие рабочие Л. З. Т., решили через Вас, Господина Окружного Инженера, объявить блюстителям порядка, что работу мы прекратили по вине Л. З. Т. Управления, которое нарушило наш договор и объявило нас рассчитанными, прервав с нами всякие сношения. Нарушения эти признали и вы... За все эти прошлые дни среди нас не появлялось ни малейшего беспорядка и насилия; никаких главарей и подстрекателей у нас нет, а если же наши охранители ищут среди нас таковых, то это не главари, а те, которых, по требованию Исправника, мы послали для объяснения с администрацией, которая заявила, что со всеми нами, как с баранами, говорить не желает. Если правосудие почему-либо найдет нужным арестовать несколько лиц, как говорит Начальство, для объяснения, то мы просим делать эти объяснения не ночью, набегами, к Вашим и ихним услугам днем и не с отдельными лицами, а со всеми нами, так как мы действуем каждый по своему убеждению и своей личной совести, примером служат те лица, которые хотели работать — те и работают, мы не препятствуем им, а всего ясней то, что мы, каждый в отдельности, от себя дали письменное заявление Товарищу Прокурора. За тишиной и порядком наблюдаем строго сами за собой. Заявляем Вам, если еще нашими охранителями повторится попытка арестовать наших, так называемых, «главарей», то это будет провокация со стороны наших охранителей. Мы просим нас не охранять, так как мы сами себя охраняем и посторонним не доверяем. Копию с этого заявления мы оповестим миру. Если пожелаете наши подписи, мы по первому требованию, таковые представим.

Бывшие рабочие Л. З. Т-ва, рабочие Андреевского прииска. Пророко-Ильинского и Александровского приисков».

Нет пьянства, разгула, шума. Масса как бы переродилась. Она видит провокационную политику администрации и отражает ее. Штраф, «побучка» за неисполнение постановлений, тактика по отношению к женам, чтобы не разбалтывали, крепкий наказ «матерям» торгующим водкой, подчинение старостам.

Классовый инстинкт спаял эту разнородную массу в единый монолит.

Не удастся и провокация Тепшана с шахтой № 46.

И все следствие, показания длинной вереницы свидетелей констатируют железную выдержку бастующих, изумительное спокойствие, в котором протекает стачка.

А уже не «Лензото» ли, не Белозеровский ли режим располагали к террору в отношении администрации?!

И даже чиновнически «беспристрастный» доклад сенатора Манухина целиком опровергает, как «политический» характер стачки, так и агрессивность стачечников за все время стачки до 4-го апреля.

Под давлением данных следствия, даже чисто чиновничьего, назначенного с целью «вылезти» из Ленской истории, рушится версия, как о политическом характере стачки, так и об агрессивности масс в ее течении.

Посмотрим теперь на факт расстрела и на «вооруженную толпу», с «криками «ура» бросавшуюся на солдат».

Вот выдержка из доклада сенатора Манухина о дреколях и камнях, которыми была, якобы, вооружена толпа:

«При осмотре судебным следователем по особо важным делам означенных, приобретенных к делу в качестве вещественных доказательств, предметов оказалось, что наряду с двенадцатью жердями, девятью обломками кирпичей, оглоблею, двумя поленами, железною проволоочною тростью, четырнадцатью палками, частью гнилыми, полицейскими чинами были подобраны четыре доски, два обломка досок, тринадцать обломков дерева, обломок сгнившей ветки и т. п. Допрошенный судебным следователем по особо важным делам Григорий Петлин показал, что за 3—4 дня до события 4 апреля какой-то проезжавший близ угла штабелей ищет бросил около дороги сломанную оглоблю, похожую на приобщиленную к делу. Служащий Ленского Товарищества Литвинцев удостоверил, что по дороге, по которой шли рабочие, зимою производилась несколько раз возка кирпичей. Наконец, на показаний лиц, участвовавших в уборке убитых и раненых, видно, что при этом приходилось разбирать окружающие штабеля заборы, и что часть раненых была унесена самими рабочими на носилках, сделанных из жердей этого забора».

К выше приведенным материалам по этому вопросу следует добавить еще живую запись в летописи Благовещенской церкви попа Николая Винокурова и фотографа, свидетеля событий:

«Окончив исповедь, приступил к приобретению святых тайн, израсходовал здесь до 150 частиц Святых Даров, обходя все палаты, стал расспрашивать о случившемся. Все до одного во всех палатах заявляли, что шли к Надеждинскому

принесу с целью — и одною лишь ею — чтобы подать прошение г. товарищу прокурора, и недоумевали, за что могли в них стрелять. Некоторые высказывали, что почти все они бывшие строевые солдаты, отлично знающие порядок наступлений, если бы имели мысль о нападении на войска, могли-ли идти такою густою толпою, разве польза было обойти кругом и в далеком друг от друга расстоянии, и что у них, кроме спичек и папирос, ничего не было. Это заверили и это же говорили и те из них, которые тут же при мне умерли. **Умирающие не врут**».

Последние слова жирным шрифтом отмечаются в самой летописи.

Фотограф Ко — в показывает, особенно выделяя эту часть своих показаний:

«Я хорошо слышал, как ротмистр приказывал: «Где колья есть — выбрасывайте на дорогу и сложите их в кучу». Я прошел к будке у переезда на Надеждинский, и на моих глазах солдаты и стражники складывали колья в кучу и потом накладывали на сани. Ротмистр, обращаясь к Хитуну и Преображенскому и еще к кому-то, сказал: «Нужно было бы привезти несколько коробов и засыпать кровью». Около них стражник брал из-под таборов снег и засыпал кровью. **Все эти люди (ротмистр и чиновник) рассуждали что-то тихо, покойно, как будто сенокос покосили...** Многие слушающие после 4-го апреля были этим очень довольны. Когда я давал показания мировому судье (Рейну) с товарищем прокурора Преображенским, то он не записал все, что я вам рассказывал, — о кольях, ротмистре и т. д. Сказали, что это не важно. Когда я пришел к леднику и увидел там весь ужас, я сейчас же вернулся домой, взял аппарат и снял всю картину. В этот же день, не успев я проявить, как приехал урядник и отобрал у меня и аппарат и негатив. Оба аппарата были под арестом четыре дня».

Тоже показывает рабочий С — в, засыпавший снегом кровавые следы преступлений:

«При мне ротмистр, в сопровождении мирового судьи Хитуна (я его раньше знал) и других лиц в форме, ходил между таборами и **указывал стражникам собирать колья и палки, лежавшие между таборами, а также вытаскивать из-под лесин**».

Так рушится версия о «вооруженном нападении на войска, замыкаемая данными доклада Манухина о характерах ран, полученных павшими:

«Из данных освидетельствования лиц, получивших поранения 4 апреля при выстрелах, произведенных в толпу воинскою командою, и из показаний сих лиц при расследовании явствует: 1) **что из общего числа (пострадавших) 202 ранены сзади, шестьдесят два — сбоку**, в отношении же остальных положение их в момент получения повреждений не могло быть с точностью определено, и 2) **что 117 человек из общего числа раненых в момент поранения находились в лежащем положении, 37 стояли**, а положение остальных осталось неустановленным».

Пойдем дальше и... мы приходим к четкому неоспоримому выводу:

Расстрел 4-го апреля был заранее, совершенно сознательно подготовлен Трещенковым с большой и разносторонней предусмотрительностью.

Посмотрите на эту удивительную цепь фактов:

Теплап определяет необходимость «уложить». Санжоренно жаждет «погреть руки» на крови.

Трещенков — заявляющий, что арест он произвел бы независимо от приказа губернатора.

Из конторы, к которой шла толпа, накануне 4-го апреля были выселены администраторы, жившие там, ради их безопасности.

Преображенский провоцирует персональную подачу заявлений и, ожидая их, находится около войск.

Эта цепь завершается конспективным изложением программы действий Трещенкова в следующем колоритнейшем показании.

3 — а А., жена заширотного приискателя и владельца магазина:

«На второй день Пасхи этого года я была в гостях у смотрителя Феодосиевского прииска Александра Арсеньевича Сорокина днем, часа в два или три. Сюда же пришел смотритель Павел Александрович Русаков. Конечно, начался разговор о бастующих. Сорокин говорит: «Вот выйдут-ли рабочие на четвертый день?» Русаков ответил: «Не выйдут, так их заставят выйти». — «А как же это могут сделать?» — «А вот приехал ротмистр, ему большие права даны, он будет их сечь и рубить и по полтора часа человек в яму бросать». Сорокин взволновался и говорит: «Как же это можно сделать с мирными людьми, которые погрома не устраивают, что же он по номерам пойдет их выбивать?» Тут Русаков и сказал: «Он их на это вызовет: он их выборных арестует, они пойдут гурьбой просить и в это время он их щелкать начнет». Сорокин и язык прикусил. Когда Русаков ушел, Сорокин и говорит мне: «Что это Русаков с ума что-ли сошел?» Откуда это Русаков узнал, он нам не говорил. Когда я вернулась домой, то сейчас же рассказала своим, так как это меня поразило, откуда он мог такую глупость говорить. А когда все это случилось, — вспомнила я: **вот Русаков все это заранее предсказал. Накануне 4-го апреля я слушала по телефону разговор между больницами о заготовке перевязочных средств.**

Все ясно, четко, определенно. Не забыта даже и санитарная часть.

Трещенков был недурной «полководец».

Но комиссия адвокатов, длинная цепь свидетелей, единодушно утверждавших своими показаниями неоспоримо ясную картину событий, не дали жандарму, власти, царизму создать вокруг Лены цепь лжи, которая помогла бы им оправдать этот «государственный кровавый акт».

Правда о Ленских событиях красным стягом развернулась перед Россией и... царизм доказал здесь, что только политическая борьба, только или — или: или он, и тогда пули, кровь, жестокость, рабство масс; или они массы, и тогда не должно быть царизма.

И массы поняли это.

Так верные слуги царизма своими кровавыми когтями, не за страх, а за совесть, рыли ему могилу.

История сказала свое слово; она железной рукой направила движение общественных сил и фатально все действия царской власти неуклонно, как планетарное движение, вела ее к гибели.

КОНЕЦ СТАЧКИ И РЕВИЗИЯ МАНУХИНА.

Стремление Трещенкова устранить часть рабочих с приисков до приезда губернатора не удастся. 23-го на прииска приезжает генерал-губернатор Князев, а 22-го мая Трещенков отстраняется с приисков, а 18 июля 1912 г. от должности помощника начальника Иркутского жандармского управления. Едет на прииска назначенная 27-го апреля ревизия Манухина и депутаты Думы—адвокаты.

30-го мая Манухин отменяет распоряжение губернатора о выселении рабочих с приисков, «признав необходимым присутствие бастовавших и бастующих рабочих на приисках Ленского Товарищества во время Высочайше возложенного на него расследования».

Какую же линию взял Манухин в своей миссии расследователя?

4-го июня Манухин печатает обращение к рабочим. Это удивительный перл административного творчества. Тут и бог, и царь, и он, герой—Манухин, призванный установить порядок, и Тот, и Кому, и Кого, с больших букв.

Смысл же сей реляции ясен: для надлежащего успеха расследования «мне необходимо видеть прииски не в бездействии рабочих, не в праздности, а при условиях обыденного труда».

Сиречь, становись на работу.

Сначала успокоение, а потом реформы.

А 7-го июня на Надеждинском прииске инсценируется «по желанию рабочих» торжественное молебствие о здравии и благоденствии государя императора и всей царской семьи.

«По приглашению 4.000 рабочих» прибыл на молебствие сенатор Манухин, губернатор и все чины и власти. После молебствия «рабочие просили Манухина выразить Его Императорскому Величеству одушевляющие их верноподданнические чувства». Манухин ответил «с душевным умилением», со «спасибо», со ссылками на «Царя Царствующих» и с молитвой «за Того, Кто обратил свой встревоженный взгляд», и «к стопам Монарха», и «ура» во здравие Того, Кто и т. д.

«Тот, Кто» ответил «Моей благодарностью». «Горные и Золотопромышленные Известия» № 13 за 1912 г., передававшие это сообщение, добавляют: «Общее настроение было умиленное, высокоторжественное, многие плакали».

«По желанию рабочих» молебствие, «по приглашению 4-х тысяч рабочих» на молебен прет со всей свитой «Царский посланец». Высокоумиленно, высокоторжественно, со слезой, проходит все. «Рабочие просили» выразить чувства.

Все это можно было бы поверить. Мы хорошо знаем, что господь часто фигурирует среди Ленских стачечников в качестве добросовестного свидетеля, но...

7-го июня «молебствуют» и «выражают чувства», а 5-го числа происходит следующий, омрачающий высокоумиленное настроение золотопромышленной га-

зетонки небольшой факт. Известный нам чиновник особых поручений Майш, настроченный Бантышем, стремится обскакать сенатора Манухина в деле вышибания из рабочих «верноподданнической» искры. Это оголтелое «особое поручение» настрочило следующую бумагу, проект резолюции, приводим ее целиком:

«Мы, бывшие рабочие Ленского Золотопромышленного Товарищества, оставшие по призыву Вашего Высокопревосходительства на работу в целях облегчить возложенную на Вас Государем Императором задачу расследования всех обстоятельств забастовки на Ленских приисках, а равно причин, вынудивших нас забастовать, уезжая ныне на родину за многие тысячи верст, глубоко уверены, что деятельность Ленского Золотопромышленного Товарищества по отношению к рабочему люду и тяжелые события 4-го апреля будут всесторонне освещены в Вашем Всеподданнейшем докладе Его Императорскому Величеству. С чистой и глубокой верой в справедливость Государя Императора мы несем свои молитвы за него к Престолу Всевышнего и просим через Государева посла вместе с выражением наших верноподданнических чувств доложить Его Императорскому Величеству, что только бесчисленные обиды, перенесенные нами от Ленского Зол. Т-ва, вынудили нас бросить тайгу, десятками лет видевшую наш терпеливый кабальный труд, обгаренный не только нашим потом, но и кровью наших товарищей. Просим также Вас, Ваше Высокопревосходительство, принять нашу благодарность за Ваши **чрезмерные труды** по выработке новых условий найма, воспользоваться которыми не позволяет нам наше истерзанное Ленцами сердце».

Эта высокоумилительная реляция была передана Майшем выборному Петухову. Последний огласил ее и поставил на голосование общего собрания рабочих Феодосиевского прииска.

Напомним, что на Феодосиевском прииске работало около 2000 человек (1829 чел.). «Выражение чувств» получилось для Майша неожиданное.

Резолюция была отвергнута единогласно при 7 воздержавшихся.

В части «выражения чувств» тогда Манухин достиг успеха, ибо цитируемые документы резолюции Майша и другие увидели свет значительно позже.

Что же сделала ревизия царского посланца по существу улучшения положения рабочих? Мы не будем утомлять читателя приведением новых условий найма, выработанных при посредстве сенатора Манухина.

Срок найма остался 1-е сентября.

Этим «Лензото» по существу отстояло все.

Изменения в договоре, ведущие к улучшению положения рабочих, мелки и ничтожны и ничем не гарантированы к исполнению. **Манухину удалось достигнуть увеличения платы горнорабочим с 1 р. 65 к. до 1 р. 68 к. в день.**

3 копейки. Комментарировать пришло нужно.

А вот снова холодное беспристрастие документа, рисующего истинное положение вещей:

Его Высокопревосходительству Члену Государственного Совета Сенатору Манухину, от рабочих Феодосиевского прииска Л. З. Т-ва.

На собрании рабочих Феодосиевского прииска 27 июня при суточном обсуждении договора и расценка рабочие нашли, что он лучше старого, но не последовало тех существенных изменений, которые так дороги для нас, рабочих, так как порядок не изменился. Администрация приисковая также, и крепкий Белозеровский режим не изменился и в присутствии Начальства. Вина Ленцев не установлена и на них не наложена обязанность уплатить штраф за все наши мучения, не восстановила правды и не привлекла виновных 4-го апреля, а наши выборные невинно сидят в тюрьме и, одним словом, не выяснена правда, и при всех этих обстоятельствах рабочие считают подписать договор невозможным и остаться у Ленцев на работе в тайге невозможно при таких порядках, какие существуют в настоящее время. По окончании прений и при закрытой баллотировке (голосовавших 2005 чел.) 1998 чел. против 7 не приняли этих условий и к работе не приступают и желают вывоза в жилые места и в другие места, где они могут найти себе новые работы. Председатель собрания Андрей Якубов. Докладчик и разъяснитель договора и расценочник Андрей Петухов».

ТРЕЩЕНКОВ И ЕГО СУДЬБА.

Пока Манухин инсценировал верноподданничество Ленских стачечников и клал «тяжелые труды» по выплачиванию у «Лензото» 3-х копеек для горняков, в это время Питерская и Иркутская жандармерия вытягивает за уши Трещенкова из той трясины, в которую он влез.

Начинается усиленная секретная переписка, направленная к сохранению «драгоценной» персоны, героя 4-го апреля.

3-го июля полковник Васильев секретно доносит в Питер директору Департамента полиции:

«Судебное следствие, равно расследование сенатора, закончены. Политический характер стачки формально не удалось доказать. Дело велось исключительно допросом свидетелей. Промакши полиции в начале забастовки теперь трудно было поправить, тем более, что обыски не производились. Допросы ротмистра Трещенкова закончены, сенатор разрешил увести его. В виду продолжавшихся настоячивых сведений подготовке покушения Трещенкова, везу его четвертого Иркутск вместе ротмистром Семенко, двумя унтер-офицерами, стражниками. Члены ревизии уезжают шестого, восьмого. № 46. Полковник Васильев. 3/VI—12 Бодайбо».

Эта секретная телеграмма идет наряду с другой, посланной совершенно открыто без шифра и секрета. В последней сообщается, что Трещенков выезжает с приисков «после 25-го в пятницу».

А последующая телеграмма открывает истинную подоплеку этого противоречия. В третьей телеграмме от 3-го июня, где полковник Васильев дает разъяснение в Иркутск:

«Иркутск. Ротмистру Кулинскому. Ротмистр Трещенков выедет отсюда после двадцати пятого пятницу; служебную его переписку направляйте в Бодайбо. Этот открытый текст написан умышленно для наведения ложный след. Трещенков выезжает со мной, Семенкой четвертого. Передайте Кашену. № 47. Полковник Васильев».

Почему так? Перед глазами жандармов выросла угроза террора по отношению к Трещенкову. Ведь, весь путь его до Иркутска шел через пункты, где жила семья, которая хорошо знала, что такое Трещенков. Опасность представлялась очень реальной.

Охранка деятельно расчищает путь Трещенкову. Одна за другой из Бодайбо в губернию летят телеграммы:

«Департамент полиции сообщил по телеграфу о том, что в Париже по подложному паспорту на имя Гладкова проживает бежавший из Сибири террорист Владимир Михайлов Косарев, предполагающий скоро прибыть в г. Бодайбо для совершения террористического акта в отместку за Ленские события.—Приметы Косарева: 25 лет, низкого роста, коренастый, одутловатое лицо, шатен, глаза большие, черные, маленькие усы, бороду бреет, нос прямой; в то время он одевался плохо, носил толстый парусиновый костюм без жилета, черную каскетку. Сообщая об изложенном, прошу распоряжения предписать полиции в Бодайбо, Киренске и Верхотуренске о наблюдении за появлением помянутой личности на предмет его задержания. Полковник Васильев».

30 июня летит новая телеграмма:

«Иркутскому губернатору. № 39. Секретно. В. Срочно. Получены достоверные сведения, что еще в начале мая с. г. в г. Бодайбо командирован член летучего боевого отряда партии сибирских социалистов-революционеров для производства террористического акта по отношению ротмистра Трещенкова. Сообщая об изложенном, прошу распоряжения предписать полиции Бодайбо, Киренского и Верхотурского уездов иметь неослабное наблюдение за появлением упомянутой личности на предмет ее задержания. Приметы неизвестны.—Полковник Васильев».

Иркутск, в свою очередь, звенит в Бодайбо.

29 июня помощник начальника Иркутского губернского жандармского управления ротмистр Кулинский телеграфирует из Иркутска в Бодайбо ротмистру Трещенкову:

«Мной получены достоверные сведения Бодайбо: в начале мая командирован член летучего боевого отряда сибирских эс-эров производство отношении вас террористического акта; будьте особенно осторожны пути из Бодайбо. Первоисточник сведений скройте. Номер 2714. Ротмистр Кулинский».

Трещенкова удалось вывезти невредимым в центр.

Но мало этого.

В Питере Трещенков со специального разрешения директора Департамента полиции переходит на нелегальное положение и живет под своим именем и отчеством, но под фамилией Кашина.

После сенаторской ревизии Трещенков отдан под суд. Следствие велось около двух лет и лишь в сентябре 1914 года Совет Министра Внутренних Дел рассматривает заключение прокуратуры по делу Трещенкова и не соглашается с заключением последней, отклоняя предъявленные Трещенкову обвинения.

Решение Совета вылилось в окончательном виде в следующую форму:

«В связи с отсутствием в рассматриваемых деяниях Трещенкова признаков предписываемых ему преступлений, представляется желательным предоставить ротмистру Трещенкову возможность немедленно поступить в действующую армию и там, быть может, кровью своей искупить свои невольные служебные «ошибки», Совет Министра Внутр. Дел признал дело подлежащим прекращению и постановил войти в Сенат с представлением о разрешении возникшего разномыслия с прокурорским надзором».

Журнал был утвержден министром внутренних дел, решившим препроводить дело в сенат.

Независимо от этого, состоялось 15 октября 1914 г. «высочайшее» повеление о временном приостановлении возбужденного против Трещенкова преследования до окончания войны, с отменой принятой против него меры пресечения и «с разрешением ему ныне же вступить в действующую армию».

Трещенков попал на фронт и 15 мая 1915 г. был убит в бою с австрийцами.

Так ушел от суда революции кровавый ротмистр.

И, как памятник ему в деле о Ленских событиях, осталась взятка от Белозерова в сумме 2400 р. и по 15 р. суточных с **четвертого апреля.**

Не за четвертое-ли апреля?!

Полковник Васильев, отвечая на запрос об этом, докладывает Департаменту полиции:

«На-днях, однако, губернатор говорил мне лично, будто бы компрометирующие ротмистра Трещенкова записи найдены книгах Белозерова, источника сведения сообщил находящемуся здесь корреспонденту «Русского Слова» чиновник поручений губернатора Майш, непосредственно исполняющий все поручения за-бастовке, имеющий сношения помянутым корреспондентом».

Достойное героя явление.

15 рублей суточных за 4-ое апреля!

Недорого «Лензото» купило жандарма.

СОБЫТИЯ ПОСЛЕ 4-го АПРЕЛЯ В РОССИИ.

Как же ответили рабочие массы России на залп 110 винтовок в далекой тайге?

Будет очень большой ошибкой представлять себе, что до Ленских событий рабочая масса спала, рабочее движение совершенно замерло.

Это будет неверное представление.

Ослабление рабочего движения начинается значительно раньше 1912 года.

Экономическая борьба в годы, предшествовавшие Ленским событиям, дает скату упорного повышения.

Если мы обратимся к цифрам, характеризующим движение за 1909—1911 год, то они дают следующую картину:

	1909 г.	1910 г.	1911 г.
Всего было стачек	340	222	422
Участвовало в них человек. . .	64.166	46.623	98.054
Число забастовочных дней. . .	418.768	256.385	768.556

Если мы примем число стачек, участников их и дней стачек, то увидим, что 1911 год дает в отношении к 1909 году, принятому за 100, такие цифры:

	1909 г.	1911 г.
Число стачек	100	130
Число участников на одну стачку . . .	100	123
Число дней стачки на одну	100	148

Число стачек увеличивается, они охватывают наиболее крупные предприятия и становятся наиболее упорными.

Это соображение подчеркивается мнением О-ва фабрикантов и заводчиков Московского промышленного района.

«В 1911 году, по докладу на собрании общества, процент забастовок увеличился почти вдвое» («Утро России»).

«Начавшееся усиление стачечного движения, — так излагает названная газета доклад доверенного лица фабрикантов, — которое сильно падало, начиная с 1906 года по 1910 год, представляет собою неизбежное экономическое явление, находящееся в зависимости от общей промышленной конъюнктуры, и есть не что иное, как выравнивание стачечной кривой, упавшей в начале 1910 года слишком низко».

Но это отнюдь не умаляет значения Ленских событий в истории рабочего движения в России.

«Так было, так будет», — заявил в ответ на запрос Думы Макаров.

Самодержавие заявило, что никакого ответа, кроме пули, рабочие массы в ответ на свои требования не получают.

Ответ пролетарских масс был в высокой степени внушительным.

Вот данные о стачках в предприятиях, подчиненных фабричной инспекции, за 1905—1912 гг.:

Число участников стачек.	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912
За целый год.	2.863 т.	1.108 т.	740 т.	176 т.	64 т.	47 т.	137 т.	1.238 т.
За первые пять мес.	673 "	205 "	84 "	40 "	32 "	14 "	30 "	118 "
У одних металлистов	151 "	47 "	24 "	12 "	6 "	8 "	15 "	55 "

1912 год дает цифру стачечников, равную почти 50% стачечников 1905 г., когда бастовала вся Россия. Причем по данным первые 5 мес. 1912 года почти

50% стачечников дают металлисты, тогда как за 1911 год они дали только 16,1%. Это двинулись в бой основные силы, гвардия пролетариата.

В оживление рабочего движения до Ленских событий играет крупную роль наметившийся в 1909 году промышленный подъем, базировавшийся на исключительно богатых урожаях 1909—1910 годов.

Данные о заказах крупному синдикату О-ву «Продамет» за эти годы дают следующую картину:

Поступило заказов (в пудах).

На какой товар:	в 1909 г.	в 1910 г.	в 1911 г.
Листовое железо	8.472.971	10.165.748	13.513.358
Балки и швеллера	7.295.010	13.495.319	13.901.012
Бандажи	812.361	1.268.056	2.078.897
Оси	404.704	558.053	882.552
Сортовое железо	35.291.320	47.512.507	50.000.917
Итого	52.276.366	72.963.683	80.376.792
Жел. дор. рельсы		19.776.427	23.910.182

Рост заказов по всем видам продукта, принимая 1909 год за 100, дает 1910 г. 139 и вырастает в 1911 году до 153.

Твердое и упорное повышение.

Но необходимо отметить, что в связи с неурожаем 1911 года за последние 5 месяцев 1911 года количество заказов по сравнению с последними 5-ю месяцами 1910 года значительно падает, создавая этим сравнительно неблагоприятную для пролетарских масс конъюнктуру.

Поступление заказов в «Продамет».

	1909 г.	1910 г.	1911 г.
Последние 5 месяцев	67.718.908	27.015.441	27.116.141
Первые 7 месяцев	34.557.448	45.948.242	53.260.560

Это очень важно отметить для оценки значения Ленских событий в рабочем движении того времени.

Стачка протеста против зверской расправы на Лене всколыхнула рабочие массы. Это была первая крупная волна политических забастовок: Саратов, Смоленск, Рига, Вильно, Н.-Новгород, Александровск, Мелитополь и др. города России были захвачены этой волной.

В Питере за 8—9 дней, с 14-го по 22-е, бастовало около 400 фабрик и заводов со 140.000 участников. В Москве по подсчету промышленников бастовало свыше 34.000 человек.

Вторая волна политических стачек прокатывается 1-го мая 1912 года, когда Питер дает свыше 100.000 бастующих, Рига 50.000 человек с демонстрацией на Ревельской улице, в которой участвовало до 4.000 человек, Варшава до

10.000 челов., дальше идут Москва, Киев, Одесса, Харьков, Саратов, Люблин, далеко Томск и Архангельск и др. города.

После 1-го мая проходит ряд экономических стачек.

Питер дает с 1-го по 22-е мая 50 стачек с 20.000 участников. «Скороход» — 5.000 челов., трамвай — 1.000 челов., Северно-Ткацкая Гука — 1.200.

За этим следует третья волна политических стачек, помимо летней стачки протеста варшавских рабочих против убийства в Кутомарской каторге рабочего Наркомского.

Октябрьские политические забастовки ближайшим поводом имели кассацию выборов уполномоченных по рабочей лауреи Петербурга, но содержание протеста этим далеко не исчерпывалось. В резолюциях во время забастовок, происходивших в течение всего месяца, постоянно подчеркивается протест против закрытия и преследования профессиональных союзов и других рабочих организаций, протест против преследования рабочей печати, отстранения рабочих от участия в проведении законов о государственном страховании, а также требование всеобщего, равного и т. д. избирательного права, свободы коалиций и пр. Движение началось 7 октября с Путиловского завода, в СПб., перекинулось на Невский судостроительный и в течение всего октября не прекращалось в Петербурге, распространившись и на провинцию.

1912 год завершается четвертой волной политических стачек, начавшихся со стачек протеста против расстрела севастопольских матросов; к этому присоединялись протесты против войны.

С 30-го октября по 2-ое ноября бастует 120.000 человек.

1-го ноября начинается с завода Дукс движение в Москве, 9-го в Риге, бастует 16 заводов и т. д.

Причем следует отметить повышающееся упорство экономических стачек, как напр. 1200 рабочих заводов Сименса и Гальске бастует 91 день. Стачка была сорвана арестом 200 человек по дороге на собрание.

Все это со всей отчетливостью свидетельствует о том, что влияние Ленского расстрела на рабочее движение не только количественное, но и, главным образом, качественное.

После Ленских событий стачечное движение носит ярко выраженный политический характер.

Характер стачек, с одной стороны, и политика власти, взявшей исключительно твердый курс на репрессию, с другой, — подвели исторический итог, показавший с ясностью даже слепым, что царизм ставит свою последнюю ставку. И, хотя движение перерезается в 1914 году мечем начавшейся войны, тем не менее революционная сила масс выросла настолько, что она преодолела и войну, и опыт довоенной борьбы был огромным триумфом на чашке весов революции.

Именно в этом основное историческое значение Ленских событий.

Они дали политический сдвиг движению, бесповоротно направили его на путь политической борьбы, завершившейся октябрем 1917 года.

«Ленского», спровоцировавшее «политический характер» Ленской стачки, сыграло Петер. Вот, как характеризовал ее Тимирязев, бывший представителем английских

акционеров. В этой провокации несомненно сказалась и боязнь политического движения.

«Забастовка имела своим основанием не только требования экономические, но и чисто **политические, что несомненно указывает на участие в ней агитаторов**».

«Между рабочими, помимо каторжан, встречается не мало **ссылных**, которые несомненно сыграли выдающуюся роль, стараясь использовать возбуждение рабочих для своих чисто-политических целей. На это обстоятельство указывают, например, поставленные рабочими условия: обращаться к ним на «вы», увольнение неугодных рабочих лиц администрации, не рассчитывать рабочих без разрешения рабочего комитета и т. д.».

«Возвращаясь к настоящему положению вещей на приисках,—говорил г. Тимирязев интервьюеру,—я не могу не высказать вам моих опасений прежде всего относительно судьбы того незначительного отряда, который там теперь оперирует...

Представьте себе, что солдаты расстреляют все свои патроны. Подвоз же новых снарядов, а тем более подкреплений, не может состояться ранее двухнедельного срока, в виду царящей в этих местностях полнейшей распутицы»...

Ему вторит его соратник барон Гинзбург:

«Пред нами восстала **строго организованная стачка**, которой, видимо, руководили люди, так как, судя по нашим сведениям, во всех действиях была заметна **планомерность**. Ловкие агитаторы использовали рабочих наших приисков для своих целей»...

«Программа была воспроизведена одна из тех, которые обыкновенно представлялись **на всех митингах в 1905 году**. Тут мы находим: **8-часовой рабочий день** и много других стремлений, созданных под известным влиянием...

Разбираясь во всем происходящем, мы добыли точные указания относительно того, что в стачечном комитете не рабочие и во всем составе комитета только двое мастеровых.

— Кто же во главе движения?

— **Ссылные**. Мне сообщили, что активное участие в настоящем движении принимает находящийся теперь на приисках член **первой Гос. Думы**. Это одно указывает на характер настоящей стачки»...

И начавшееся после Лены движение встало перед умиротелыми не только как грозный факт сегодняшнего дня, а как вестник грядущих бурь. «Петербургские Ведомости» пишут:

«Мы уже видим, что «даром» эти 400 жертв, действительно, не пройдут. То здесь, то там по России вспыхивают небольшие забастовки: на 2—3 дня. Это — забастовки **«симпатические»**.

«Но это—забастовки и **симптоматические**: они говорят о том, что рабочие сумрачно учитывают результаты общественного настроения. Это—небольшие огни бурлящей под тонким покровом лавы»...

Эти волки обладали хорошим чутьем. Они были правы. История сказала свое слово, что Лена—первая страница Великого Октября.

У памятника.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Так закончилась история Лены 4-го апреля 1912 года.

Автор прекрасно сознает все несовершенство своей работы.

Многое, как например, интересные документы об осведомительстве, которые искала и нашла Иркутская охранка, сделав из одного единственного осведомителя двух для того, чтобы дать начальству представление о своей работоспособности; масса мелких, но характерных фактов стачки, в силу ограниченности времени и сжатости очерка, не могло войти в него, остались неосвещенными. Участие политической ссылки и организаторов стачки и размер их влияния на стачку, в силу ограниченности материалов, осталось неразвернутым и т. д.

Но автор надеется, что данная работа толкнет, быть может, на детальное **изучение** Ленских событий других товарищей, и тогда общими усилиями многих эта страница истории рабочего движения развернется во всей своей бесподобной силе и красоте.

Она достойна большой упорной работы. То, что дано в приложении—посильный автору художественный вывод из событий, быть может, послужит толчком к тому, чтобы многие из наших художников осуществили заветную мечту пишущего эти строки и первого кинувшего лозунг **«история рабочего движения должна стать материалом для художественного творчества»**.

Если эта книжка даст товарищам возможность в вечер памяти Ленских событий почувствовать все их значение, если она второю своею частью сумеет всколыхнуть в массе внимание к своему прошлому, уважение, любовь, гордость к нему, то цель автора будет достигнута.

Большого в круге непрерывной тяжелой повседневной работы сделать, к сожалению, не удалось.